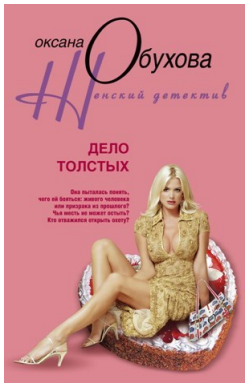
оксана Обухова
Женский детектив
ДЕЛО ТОЛСТЫХ
Она пыталась понять, чего ей бояться: живого человека или призрака из прошлого? Чья месть не может остыть? Кто отважился открыть охоту?

Оксана Николаевна Обухова

Дело толстых

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=590725
Дело толстых: роман.: Центрполиграф; Москва; 2008
ISBN 978-5-9524-3822-4

Аннотация

Фармацевтическая фирма «Гелиос» с размахом праздновала день рождения одной из сотрудниц. В самый разгар торжества был найден труп любимой собаки начальника. Подозрительное происшествие совпало с исчезновением хозяина фирмы Бориса Гольдмана, что привлекло внимание милиции. Следователь Тарасов хладнокровно взялся распутать клубок интриг и разоблачить преступный клан. Все его подозрения сходятся на противоречивой фигуре Марты, коммерческого директора «Гелиоса» и по совместительству жены Гольдмана…

Содержание

Часть первая 4
СЕМЬ ЛЕТ НАЗАД 4
Часть вторая 40
НАШЕ ВРЕМЯ 40
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Оксана Николаевна Обухова
Дело толстых

Часть первая
ТЕРРАРИУМ

СЕМЬ ЛЕТ НАЗАД

В комнате не хватало освещения. Мужчина и женщина сидели у низкого журнального столика, на котором стояли хрустальная ваза с букетом увядающих роз, бутылка с коньяком, фужеры, ваза с орешками и плитка разломанного шоколада. За спинкой кресла женщины возвышался торшер с тремя «неяркими» под абажуром лампочками. Мужчина расслабленно и вольно расположился на кожаном диване и старался выглядеть хозяином в чужой квартире.

Марта с усмешкой наблюдала за потугами гостя. Но злиться на нахала не собиралась: злость выжигает разум, а Марта (многие звали ее Домино) была умной женщиной.

– Ты, Вова, парень крепкий, но простой, – проговорила она спокойно, и скулы гостя заиграли под желтоватой кожей. Он дернулся, попытался встать. – Тише, тише, попридержи темперамент. – Марта взмахнула рукой, и под скудным светом ламп вспыхнули бриллианты в перстнях. – Отставь коньячок в сторону, он тебе думать мешает. И бровями не играй. Не страшно. Здесь пугливых девочек нет.

Гудовин резким жестом выплеснул остатки «Камю» в горло, поперхнулся и, хрипло кашляя, потянулся к сигаретам. «Сучка, – мелькнуло в голове, – всегда дергаться заставит». Коньяк надо было пить медленно, наслаждаясь, а не показывать нервы.

Марта с усмешкой смотрела, как ее гость Вова Гудовин (в некоторых кругах известный больше как Гудвин) утирает ладонью губы. Салфеткой или платком Вова пользоваться так и не научился.

– Ну, успокоился… Вовчик? Лимончиком зажуй, и поговорим.

Вова выпустил струю дыма в лицо женщины, откинулся на диване и положил ногу на край журнального столика, так что начищенный ботинок почти касался тонкого коньячного бокала Марты. Больше всего на свете Гудвин не выносил заносчивых баб. И не имело значения, какие они – умные и красивые или вульгарные и глупые. Сам факт протеста женщины вызывал в нем желание ударить. Врезать в накрашенные губы, стереть улыбку с лица и увидеть испуг в глазах. Хозяин – мужчина. Всегда и везде.

Самую большую ненависть вызывали дамочки, карабкающиеся вверх по чужим постелям. Вова не стал бы возражать, если бы постель была его. Но под его одеяло не заносило карьеристок экстра-класса.

С сожалением вспомнив, что получил приказ только предупредить, а не наказать Марту, Гудовин затушил недокуренную сигарету и с хрустом потянулся.

Марта брезгливо поморщилась:

– Суставы, Вова, надо тренировать. В старости скрючит от артрита…

– Не бухти, – перебил Гудвин. – Давай по делу.

Марта медленно встала, достала из антикварного бюро тонкий листок бумаги и протянула его гостю:

– Читай. Предпоследний абзац о тебе.

Вова Гудвин небрежно пробежал глазами весь текст – четкое изложение текущих событий, – но, когда добрался до нужного абзаца, ботинок его соскользнул с журнального столика, Гудвин сгорбился на крае дивана и, с трудом шевеля побелевшими от злости губами, повторил два предложения из текста вслух:

– «Надежных людей нет. Гудовин родную маму на выгоду обменяет». Это он обо мне?! – Вова отшвырнул листок, налил себе коньяку и выпил. – Скотина жирная!

Серьезно и без усмешки Марта кивнула:

– Скотина. Еще какая. И виноват в этом, Вова, ты. Думаешь, сделал хромого толстячка ручным, а он тебя, Вова, в одном темном месте видел.

– В каком? – не понял Гудвин.

– Это метафора, милый. О дерьме.

– Ты там же плаваешь, – буркнул Гудвин.

– Твоими молитвами, – обрезала женщина. – Хотел меня отсечь?!

Последняя фраза ударила Вову не хуже пощечины. Мечтая о карьеристках, Гудвин не учел, что подобные дамочки и в чужой постели стягивают одеяло на себя.

Он пристально посмотрел на Марту и машинально взял со столика пачку ее сигарет.

…Марта появилась в родном городе Гудовина почти четыре года назад. Привез ее старый авторитет, некоронованный король города – Князь. Привез из Сочи и определил ее место рядом с собой.

Странная получилась партия. Недоуменная. Много лет законник жил один, была у него сестра, да на погосте упокоилась, и последнее время компанию смотрящему составлял поддужный (говоря простым языком – помощник) Вова Гудвин. Много толков вызвало решение Князя. Кто говорил – племянница ему Марта, кто – забава, а кто – и в дочери назначил. Разные версии первое время гуляли в народе. Но остановилась молва на одной – незаконнорожденную дочь Князь в Сочи встретил. Привет от старой любви.

И автора этой версии Вова знал. Знал, откуда ветер и кому он на паруса дует. При знакомстве смотрящего с Мартой Вова присутствовал лично. Дело было так.

На пляже города Сочи, под тентом, четыре законника играли в домино. Не в очко, не в преферанс, а именно в домино. Воры делали уважение старому Князю. Всем остальным забавам старик предпочитал эту. Безусловно, под настроение Князь мог переброситься в картишки, погонять шары в бильярде, но с настоящим интересом играл только в домино.

Три партнера Князя играли лениво. Вокруг тента, укрывшего столик от солнца, валялись на песке парни из ближайшего окружения авторитетов. Жара давно спала, отдыхающие расходились с пляжа, но Князю везло, и он играл с вдумчивым азартом.

– Может, в ресторацию закатимся? – зевнув, предложил самый молодой из игроков и почесал безволосую грудь с наколкой из куполов.

– Подожди, – не отрывая глаз от костяшек, бросил Князь. – Рыба! – И с хриплым кашлем, мало похожим на смех, откинулся на стуле. – Ну, молодо-зелено, наказал я вас!

Воры спрятали улыбки и с надеждой посмотрели на Князя. Давно пришла пора с пляжа расходиться. Мамаши шлепками выгоняли из моря неугомонных детишек, волейболисты и шахматисты собирали по сумкам снасти, вдоль моря, параллельно волнам, увязая пятками в мелком песке, брела молоденькая худая девчонка с фиолетовой дорожной сумкой на плече.

Дошла до тента, встала за спину Князя и, смешно морща вздернутый нос, сказала:

– Дяденьки, вам партнер не нужен?

Четыре вора бросили на нахалку удивленные взгляды, охрана начала медленно приподниматься с песка, собираясь отогнать назойливую красотку от авторитетов, но Князь остановил парней взмахом руки.

– А ты, девочка, сможешь? – Чуткий к чужим настроениям законник (без такого чутья зоной не править) уловил скуку партнеров и решил добавить к игре остроты. – Мы ведь не шелобаны играем…

Меся песок голыми пятками, девчонка гордо вскинула голову:

– Я, дяденька, фору тебе дам…

На это рассмеялись все. Девчонке принесли стул, и самый молодой из воров, недавно собиравшийся улизнуть в ресторан, спросил с усмешкой:

– Что ставить будешь, бедовая?

– Себя, – спокойно ответила девчонка. – Чем ответишь?

Авторитеты переглянулись и загоготали. Игра обещала стать интересной.

…Через час молодой авторитет первым бросил костяшки и встал из-за стола. Его не останавливали. Девчонка, назвавшая себя Мартой, ни разу не позволила ему выйти из аутсайдеров.

Молодой щелчком пальцев поднял свиту с песка и отправился в сторону противоположную морю – к отелю и ресторану.

– Спасибо, девочка, – похвалил Князь, – потешила старика.

– У меня папа пожарным был, – скромно опустив на зеленые глаза штору длинных ресниц, пролепетала красотка.

– Такой абас обмыть надо, – предложил один из игроков. – Холодает…

Князь со вздохом опустил костяшку и спросил одну Марту:

– Ну, пойдем, что ли, гужеваться?

В ресторан со всей компанией Князь не пошел. Сказал Вове, что надо бы девочку накормить, и, обойдя шумные рестораны на набережной, выбрал укромную шашлычную в тенистом парке. Посетителей там было на удивление немного, ночной дискотекой кафе не славилось, сытные ужины без музыки мало кого интересовали, так что кафе одним из первых на побережье закрывалось на отдых.

– Что есть будешь? – спросил Князь девчонку, усаживаясь в кресло углового столика возле балюстрады.

– А чего дадите, – пожала плечами Марта.

Князь заказал шашлык, сухое вино и зелень.

Когда официант выставлял еду на стол, Вове показалось, что девчонка вот-вот грохнется в голодный обморок, – так побледнела.

Скромничать Марта не стала. Набросилась на мясо, нанизанное на шампур, с жадностью изголодавшейся собачки.

Князь задумчиво смотрел на девушку, посасывал баранье ребрышко и почти не притрагивался к вину.

– Ну? Наелась? – спросил наконец.

– Спасибо, дяденька. – Девчонка заблестела сытыми глазками и потянулась.

– Откуда ты?

– Да вот, приехала и от подруг отбилась. А с ними все деньги и обратные билеты остались. Позвонила домой, жду, когда денег вышлют.

Марта обманывала Князя. Никуда она не звонила и денег не ждала.

Но вела себя скромно, на ночлег не напрашивалась и авансов старику и Вове не делала, – правильно вела себя девочка. Блестела зелеными глазками и казалась довольной малым.

– Ну что, Вова, – медленно повернув голову к молчавшему доселе Гудвину, сказал смотрящий, – поможем нашей Домино?

Вова дернул щекой и отвечать не стал. Была б его, Гудвина, воля, давно бы сунул девчонке пару сотен (а то и вообще ничего, она игрой денег подняла) и прогнал прочь.

Но Князь на отдыхе скучал. Морской воздух, красное вино и утреннее солнце ему врач прописал, курить запретил, без табака старый законник извелся. Только игрой и спасал натянутые нервы.

А тут приключение, разнообразие, само пришло на стройных ногах.

– Чего ж молчишь, Володя? – подогнал поддужного Князь.

– Поможем, – проскрипел Гудвин.

– Правильно, – одобрил старик, – доброе дело на Небесах в зачет пойдет. Ступай, Вова, в гостиницу, скажи, чтоб все устроили…

– Как устроили? – хмуро уточнил Гудвин. В небольшом частном отеле свободных номеров не было, бархатный сезон в Сочи в тот год отменным получился.

– Скажи, чтоб в зале постелили, – ответил Князь. – И сумочку у Домино возьми, помоги девочке…

От последнего приказания у Гудвина невольно скривилось лицо. Он, Вова Гудвин, должен за соплюхой багаж, как вшивый фраер, таскать?!

Но, внимательно присмотревшись к хозяину, недовольство с лица убрал. «Сявка ты, Вова, – подумал про себя. – Ты еще и подумать не успел, а старый уже за тебя все обмозговал». Прихватил Вова со стула тощую девчачью сумку и поволок в отель.

Там обшмонал багаж детально, срисовал с найденного под подкладкой паспорта все до буквы и тут же по телефону вышел на человека, имевшего связи в родном городе Марты. Человек пообещал в кратчайшие сроки выяснить, что за бикса к Князю прилипла, и ответ дать.

Служба по сбору информации у воров работала не хуже почившего в бозе КГБ.

Князь привел Домино в свой двухкомнатный люкс, показал на застеленный чистым постельным бельем диван в гостиной и сказал:

– Спать здесь будешь.

Девчонка только пятки помыла и рухнула на диван как подкошенная. Лишь ресницы смежила – и засопела ровно.

Князь вышел из номера, поднялся выше, на третий этаж, до Гудвина, и, найдя того на балконе, тяжело опустился в соседнее кресло.

– Ну, и что наша девочка с собой возит? – спросил, задумчиво любуясь ночной огненной набережной.

– Трусы да майки, – хмыкнул Гудвин.

– А конкретно? – не отрывая взгляда от праздно гуляющего люда, уточнил законник.

Володя описал багаж Марты до мелочей, ни одного тюбика с засохшей помадой не пропустил.

– Небогато, – протянул Князь. – Кто такая, как думаешь?

Вова осторожно просчитал возможные ответы и выбрал наиболее предпочтительный:

– Засланная, думаю.

– Отчего же, Володенька? – Старик поменял позу, сел боком и пристально взглянул на Гудвина.

– Ну, – с междометий начал поддужный, – ни одна шалава за просто так к деловым не подойдет…

– Если только жрать нечего, – перебил Князь.

– Если только жрать нечего, – эхом повторил Гудвин.

– А она голодная была, – покачал головой старый вор, – такого не изобразишь. Сутки, а то и боле маковой росинки во рту не было. Уж я-то знаю… видел…

– Значит, грамотная подстава, – упорствовал Гудвин.

– Ты ксиву у девочки нашел? Как следует зарисовал?

– Обижаешь, Иван Платоныч. – Гудвин редко называл законника по имени-отчеству. Обычно он обращался к нему иначе – хозяином или Князем величал.

Измененное обращение старик уловил.

– Не куксись, Вова. Когда ответ придет?

– Сказали – скоро.

– Ну, вот и подождем маленько. Посмотрим, чья девочка? Иногда полезно бывает…

Первый, предварительный ответ на запрос Гудвина пришел уже на следующий день, к вечеру. Марта Игоревна Потапова в связях с деловыми людьми своего города не замечена. Недоучившаяся студентка медицинского колледжа и голь перекатная была Марта Игоревна. Даже в приличных шалавах не числилась.

– Проверьте покрепче, – приказал Гудвин по телефону. За этот день Домино успела сильно его удивить, а разводить руками Вова не любил. Тем более если дело касалось насущного – баб и денег. Домино отказалась взять деньги, и это сильно насторожило помощника Князя. Если сведения верные и девчонка голь перекатная – почему лаве не взяла?!

Утром Князь показал Марте, где лежат деньги. Открыл выдвижной ящик прикроватной тумбочки и сказал – бери. Сколько нужно.

Девчонка сунула нос в тумбу, наморщила лоб, бровью дернула и тоненькими пальчиками выудила оттуда одну, верхнюю купюру в сто рублей.

Вова даже дышать забыл. «Подстава, точно подстава», – зазвенело в голове. Чтобы нищая босота от халявы отказалась?! Да не бывает такого! Все бабы одним миром мазаны…

Каждая из любовниц Гудвина только и ныла – мало, Вова, мало, давай еще. Бросая очередную пассию, Вова даже на объяснения не напрягался, переставал дарить подарки, телка сама исчезала.

– Что так мало взяла, Марточка? – пряча усмешку, елейно произнес старый вор.

– Так хватит. Выиграла вчера. И на ужин не потратилась.

– Ну-ну, – покачал головой законник и отпустил Марту за покупками.

Едва за девушкой закрылась дверь, Гудвин выскочил на центр комнаты и, размахивая руками, набычив голову, зашипел:

– Лапти плетет бикса! На понт работает! Чтоб девка лаве не брала и не просила?! Гнать ее надо, Князь…

– Дурак ты, Вова, – миролюбиво усмехнулся старик. – Умная девка денег не просит, ей их дают.

– Так ты дал!! Она ж не взяла!!

– Не ко времени, значит, – спокойно ответил Князь и вечером повел Марту в казино.

Хоть и в новом, но дешевеньком платьице на лямках, девчонка смотрелась отлично на фоне расфуфыренных, напомаженных телок. Неловкости не чувствовала, раскованно ходила между разодетыми дамами козырных людей и в разговоры не лезла, больше слушала. Легко приняла от Князя горсть фишек, так же легко их спустила – и больше не попросила.

«Не азартная? – спросил себя Гудвин. – А по поступкам не скажешь… Опять до заката на пляже в домино резалась и там азарт выказывала…»

Задумался Гудвин. Что-то готовит смотрящий? Ведь не просто так, не для плезира, а зачем-то девчонка ему понадобилась… Почему босота Марта к старику приклеилась, Вова понимал. Ей нужно то же, что и всем, – денег. Но больно уж хитро повела себя девочка, не по возрасту. Давали – брала, за обед – благодарила. Но лишнего?.. Нет, лишнего Марта не просила.

Надеется позже куш сорвать? С дальним прицелом работает? Или… хорошо готовил кто?

Но никого за спиной Марты высветить не удалось. Гудвин настаивал, теребил братву из родного города девчонки, но ответ всегда приходил однозначный – не была, не выявлена, не замечена.

Через несколько дней, когда к обществу Марты уже все привыкли, у одного из законников случился день рождения. Новорожденный заказал катер, провианта загрузил достаточно и повез компанию на отдаленный пляж – шашлык готовить и без пустого внимания развлекаться.

Кроме Марты на пикник поехало много женщин, кто-то приехал вместе с женой, кто-то с подругой, иные специально прилетели в Сочи поздравить приятеля. Шампанское и коньяки рекой лились, музыка гремела на все побережье, и вот в той кутерьме и случилось недоразумение, показавшее Вове, чем может шальная девчонка Князю послужить.

Тот самый молодой вор, которого Марта в день знакомства с законниками обыграла, напился крепко и разум потерял. Пристроился к Марте и, не увидев, что сзади Князь подходит, приобнял да с подходцем:

– А не скучно ли тебе, девочка, со стариком валандаться? Тут и помоложе найдутся, а?

Марта развернулась под его рукой, встала лицом к лицу и с доброй, сердечной улыбкой произнесла:

– А старый конь борозды не портит…

Неизвестно, чем дело бы закончилось, не ответь

Марта именно так. Спокойно, без вызова поставила нахала на место, и Князь это видел.

– О чем тебя еще спрашивали, девочка? – поинтересовался на обратной дороге.

– О том-то и о том-то, тот-то и тот-то, – ответила Марта.

– Угу. Еще раз спросят, скажешь вот как…

Женские ласки давно перестали тревожить старого вора, Марта ему для дела была нужна. Не раз и не два в течение следующих десяти дней слышал Вова отчеты Домино о чужих разговорах (кто на соплюшку внимание обратит и насторожится?) и указания Князя – с кем, что и когда сказать. Порой от слов приближенных большая польза получается, если вникнуть внимательно. Давно Князь на эту роль ловкого человека искал, да все не знал, кому довериться.

– На обратную дорогу три билета возьми, – как-то утром сказал поддужному законник.

– Она с нами едет?! – опешил, возмутился Гудвин. – Князь… да не верю я ей!! Кто она, откуда, без году неделя с нами…

– А сам… *помнишь?* – прикрикнул Князь и долго, тягуче посмотрел на Вову. – Как на перо спотыкнулся?..

От растерянности Вова даже контроль над собой потерял. Расслабил лицевые мышцы, челюсть вниз уползла, и остался Вова с разинутым ртом, пока за Князем дверь не закрылась.

Оказывается… знал старый?..

Много лет назад откинулся Гудовин Владимир с малолетки. Шастал по городу, на подхвате то там, то тут денежку срубал небольшую. В поте лица не трудился, все случая ждал.

Случай представился в лице кавказского вора, приехавшего к Князю по делам. Обсудил кавказец свои проблемы, попил с Князем водочки – и ночью его на гульбу потянуло. Взял джигит машину, пару пацанов и поехал в ресторан ночь догуливать.

Но не повезло авторитету. В ресторан той ночью местные беспредельщики забурились. Да не простые, а те, что с кавказцами рынок не поделили.

Завалился загорелый гость в кабак широко. Внимание привлек. И хоть дал ему Князь сопровождение, местные пацаны в тему не въехали, не разобрались, кто с носатым в их кабак зашел. Отоварили всех на славу, а кавказца решили на перо поставить.

В той знатной драке Вова Гудвин не участвовал. Сидел на табурете возле бара, с девчонками пивцо потягивал. Но драка разрасталась, сопровождающие от Князя по залу клич бросили, толпа-то Вову со стула и смахнула. Да не просто смахнула, а так ловко, что встал Вова спиной к спине кавказца и вроде как прикрыл собой. Оступился в кутерьме, запнулся за чью-то ногу и поймал перо, которое беспредельщик в спину Князева гостя нацелил.

Так, нежданно-негаданно, попал Вова в верные товарищи. О том, что случай произошел, помалкивал разумно и лишнего геройства на себя не брал. Лежал в больничке с заштопанной почкой и Князя ждал.

Князь приехал не один. С кавказцем и свитой. Расспросил Вову о житье-бытье и сказал:

– Выйдешь из больнички, ко мне загляни…

Вот так и получил Володя теплое место подле Князя. Не каждый день на дороге, рассудил смотрящий, верные люди встречаются. Да такие, что способны твоего друга собственным телом от ножа прикрыть.

Много лет полагал Вова, что провел старика. Он уже и думать забыл о том, что гулял по городу гнилой слушок, мол, случайно Гудвин на нож налетел, и надеялся, что тема не всплывет никогда…

Но просчитался. И то, что Князь напомнил ему об обмане в связи с Мартой, навсегда отнесло Домино в разряд его врагов. Как бы разделил Князь своими словами подручных – Марта из себя тайны не делала, а ты, Вова, обманным геройством возвысился…

Пока жив был старый Князь, Вову с Мартой цементировала общая кормушка, как только его не стало, Вова все силы приложил, чтобы убрать Домино с дороги. Мешала она ему. И главной ценой в их споре стал Борис Аркадьевич Гольдман, владелец фирмы «Гелиос».

Не сразу, не вдруг решился Гудвин на открытый конфликт, почву к решающему разговору полгода готовил, к новому смотрящему в друзья набивался. Думал – раздавит Марту.

Но недооценил. Подготовилась Домино. А цена на кону большая стояла…

Борис Аркадьевич Гольдман прибыл в их город из Швейцарии примерно за полтора года до кончины Князя. Молодой и вальяжный, бродил он по городу, восстанавливал в памяти СССР, старался узнать бывшую державу в новой России и искал выход на серьезных людей. Начинать бизнес в России без поддержки и прикрытия – смерти подобно. Вернее, разорению. А это для деловых людей хуже смерти.

Молодой и вальяжный Борис Аркадьевич был только посланником. Его дядя Самуил Моисеевич, после первой отсидки скрывшийся за кордоном, составил для Князя весточку. Но идти сразу к старому, возможно потерявшему авторитет, вору дядя племяннику не советовал.

– Сначала по городу походи. Людей послушай. Если Князь сдулся, ищи замену. Если все в порядке, иди с поклоном. Поможет.

Больших перемен в городе Князя племянник не почувствовал. Достал из чемодана письмецо дяди и отправился к законнику. Молодому посланнику было что предложить местному криминалу от лица своего дяди и от себя лично.

В конце семидесятых, со второй волной эмиграции, дядя Самуил Моисеевич Гольдман полетел на историческую родину с краткой остановкой в Вене. В столице Австрии еще достаточно свежему Самуилу встретилась богатая пожухлая вдова производителя лекарств. Несколько фармацевтических фабрик вдовы стояло в Швейцарии.

Короткий роман, быстрый брак – и Самуил Моисеевич поселился на вилле с видом на Женевское озеро.

К чести господина Гольдмана-старшего следует сказать – альфонсом он не был. Подпольный цеховой опыт советского еврея быстро поднял фармацевтический бизнес вдовы в

десятку европейских лидеров. Гладким и упитанным европейским воротилам оказалось не под силу сражаться с извращенной логикой теневого бизнеса социалистического государства. Под присмотром тысячеглазого аппарата различных органов и пятой планового производства выживали лишь сильнейшие. А Самуил Моисеевич везде был среди лучших.

В начале девяностых вдова упокоилась в фамильном склепе первого мужа; Самуил Моисеевич позвонил в Россию и пригласил к себе сестру Сару с сыном Борей на ПМЖ. Пожилому деятельному еврею стало скучно любоваться видами Женевского озера в одиночестве.

Родственники привезли с собой четыре чемодана, диплом Бори об окончании с отличием экономического факультета Казанского университета, пустую клетку попугая Коко (птица скончалась от ностальгии, едва клетка пересекла пограничный кордон аэропорта Шереметьево-2) и вести из новой России.

Самуил Моисеевич выслушал «повесть временных лет» и впал в искус.

Давным-давно, пролетая в салоне Ту-134 над опостылевшей отчизной в направлении Запада, бывший гражданин Гольдман дал себе слово – никогда не возвращаться. Ужас заключения, битва с ветряной мельницей в форме прокурора и огромные срока за деятельность, за которую, в принципе, ордена надо давать, отбили у него желание трудиться на благо отчизны. Самуил Моисеевич выписывал несколько российских газет, вдумчиво отслеживал последние новости, но демократы из бывших коммунистов доверия в нем не вызывали. Молодые шумливые реформаторы, набивающие карманы под лозунгом борьбы с тоталитаризмом, и вовсе вызывали брезгливое отвращение.

Племянник Боря позволил себе не согласиться. «Возврата к прошлому быть не может, – твердо заявил Борис Аркадьевич. – Россия не Китай, народ в ней бунтарский и не такой послушный. Реформы будет продолжать хоть из исследовательских соображений, хоть бы из вредности. В пику всему миру».

Самуил Моисеевич пролистал биржевые сводки (нашел их скучными) и обратил свой взор к России. Вероятный процент отдачи, возможная степень риска… Боря под ухом поет отчизне оды… И Самуил Моисеевич Гольдман решил попробовать. Слишком прилично-тягуче жилось на берегах Женевского озера. Слишком скучно.

Но данные обещания господин Гольдман всегда выполнял свято. «Сам в Россию ни ногой», – сказал Самуил Моисеевич, вспоминая клятву, данную в салоне Ту-134, и отправил на разведку племянника.

В столицы семейство Гольдман мудро не сунулось. Для первого, пробного шага Гольдманы выбрали недалеко от Москвы тихий областной центр с полумиллионным населением и после недолгого семейного совета послали туда Борю, вооруженного пачкой наличности, подробным инструктажем и письмом к авторитетному человеку.

…Князь принял посланника радушно. Дикий рэкет давно уступил место «цивилизованной» крыше, копейка от бизнеса шла тугая, так что пустить под крыло еще одну фирму с обеспечением на Западе – прибыль верная.

Долгими и скучными швейцарскими вечерами Борис Аркадьевич успел наслушаться от дяди о власти и нравах воровской элиты. Попав в гости к авторитету, Боря скромно сидел на уголке дивана и ждал, пока Князь, близоруко щурясь сквозь очки, ознакомится с посланием. Самуил Моисеевич отбывал срок в лагере, где смотрящим был Князь, в письме мелькали воспоминания и поклоны, и читал законник долго. За его спиной стоял худой высокий парень и ловил каждый жест гостя.

«Боже, скорее бы это кончилось!» – подумал Борис Аркадьевич и промокнул лоб белейшим носовым платком. (Пока Боря вынимал из кармана пиджака носовой платок, худой парень чуть не пристрелил его взглядом. Каждый жест стерег. Класть платок обратно в карман Боря благоразумно не стал, комкал в кулаке и, мучаясь от жажды, ждал вердикта.)

– Что же ты, дядя Ваня, гостя чаем не поишь? – вошла в гостиную красивая стройная брюнетка в свободном брючном костюме. Черный шелк струился вокруг длинных ног, девушка небрежно отбросила за плечи блестящие темные волосы и села на подлокотник кресла авторитета.

«Села как у себя дома, – мелькнуло в голове Бори. – Любовница?»

Но жест, которым Князь похлопал девушку по колену, был скорее отческим. Красавица приветливо улыбалась гостю, и Борис Аркадьевич почувствовал себя свободнее.

«Однако, – подумал он. – Таких и в Париже не часто встретишь».

– Налей, Марта, гостю чего-нибудь, – приказал Князь, и Борис Аркадьевич понял, что дело его выгорит.

Так оно впоследствии и вышло. Но, кроме разумного процента от прибыли, законник поставил жесткое условие – заместителем Бориса Аркадьевича станет Гудовин Владимир Александрович. Тот самый худощавый психопат, готовый пристрелить гостя за один неверный жест.

Отказывать авторитету в данной «просьбе» Борис Аркадьевич не посмел. Неразумно ссориться с королем города из-за такой мелочи, как примитивный необразованный бандит. Борис Аркадьевич сводил Марту в ресторан, провел, как ему показалось, тонкую разведывательную беседу и окончательно успокоился – Вова Гудвин в вопросы экономики не полезет. На него ляжет самая неприятная часть работы: улаживание вопросов с конкурентами от бизнеса и криминала, отсечение доярок различных инстанций, беспрепятственное прохождение груза через таможню и, главное, присмотр за бесперебойным и безопасным течением бизнеса.

Один на один со странным российским предпринимательством Борис Аркадьевич проиграл бы однозначно. Едва только длинный хрящеватый нос господина Гольдмана показывался в кабинетах чиновников, у тех моментально начинала чесаться левая ладонь. А это, как известно, примета верная. К деньгам.

Гудовин же с чинушами разбирался просто. «Поклон от Князя», – говорил Вова и получал подписи на бумажках за спасибо. «Они и так на подсосе», – говорил бандит Гудвин, и экономист Гольдман соглашался: дешевле и легче покупать чиновников оптом. Князь крышевал десятки фирм и платил чиновникам сразу за все, как зарплату выдавал.

С Мартой Борис Аркадьевич встречался регулярно. Домино знала о городе все. Где и с кем надо быть осторожным, кто и чем живет, какое знакомство следует поддержать, а от какого уклониться. Марта была полезна пришлому бизнесмену, как таблетка аспирина больному гриппом. Она снимала напряжение и помогала жить.

И еще. С Мартой Борис Аркадьевич стал своим человеком в доме Князя.

– Вскружил, проказник, девушке голову, – ласково укорял «дядя Ваня» Гольдмана.

Боря изображал смущение и увозил Домино в приличный ресторан.

В любое заведение, даже битком забитое, Домино пускали беспрекословно. За лучший столик, к лучшим винам, закускам и обслуживанию по высшему разряду. Ни один бритоголовый качок не смел покоситься в сторону нелепого прихрамывающего толстяка в обществе красотки. Город знал – Домино девушка Князя.

Но позже оказалось, что Марта устала от роли вывески. «Хочу работать», – намекнула она Гольдману. И тут же получила место референта в фирме «Гелиос».

От такого работника бизнес дяди и племянника выиграл значительно. В ситуациях, трудноразрешимых для Гудвина (или разрешаемых ненужным силовым давлением), Марта обходилась полуулыбкой, полунамеком и парой ласковых упреков.

Через год в городе поочередно открылись шесть аптек под вывеской «Гелиос», еще полгода спустя оздоровительный центр «Волшебная заря» и оптовый склад для торговли с приезжими фармацевтами. Еще через полгода старый законник Князь умер от рака легких.

…Марта смотрела, как Гудовин курит ее сигареты, пьет ее коньяк, и вспоминала последние недели у постели умирающего Князя.

– Тебе, девушка, надо замуж выходить, – задыхаясь, говорил старый вор. – Ты с Бориской-то не церемонься. За жабры его – и под венец. Он от тебя много пользы поимел… и еще поимеет. Голова у него позолоченная, твоя золотая. Не пропадете. Я Вове наказ дал, чтоб за тобой присматривал… Он парень верный… кхе-кхе-кхе… Не выдаст.

Старый вор ошибался. Гудвин ненавидел Домино и делиться не собирался. Новый король города привел своих людей, и иной кормушки, кроме «Гелиоса», у Вовы не осталось.

Постепенно, месяц за месяцем, Гудвин оттеснял Марту от Гольдмана. Водил девиц, учил пить разгульно и подсадил на кокаин.

Наивный толстый еврей нырнул в удовольствия с головой. Гудвин, с его знанием изнанки города, стал Боре необходим. А Марта начинала мешать плавать в бассейне с десятком голых баб, зависать в казино и шумно, с размахом, пить ночи напролет…

Вспоминая все это, Марта неприязненно рассматривала Гудвина: втянутые желтоватые щеки, жидкие зализанные волосы, худая шея с выпирающим кадыком. Он напоминал ей хищную птицу. Стервятника, вспорхнувшего с разложившегося трупа и примостившегося на диване в ее гостиной. Только зевни – и клюнет в темя.

– Ну, Вова, все понял?

– Что ты предлагаешь? – сразу взял быка за рога Гудвин.

– Исправлять ошибки. Твои, Вова. И не думай, не надейся, что справишься в одиночку.

Гудвин буркнул под нос что-то матерное, сжал кулаки с хрустом, но возражать не стал. Вова приехал к Марте доложить мнение нового хозяина города – Сивого, что в фирме «Гелиос» главный теперь он. Гудвин долго добивался этой поддержки. Доказывал свою необходимость, знание дел производства; он превратил Гольдмана в ручного кролика и считал вопрос решенным. Боря кушал кокс с его ладони, как грызун морковку; молодых пушистых крольчих Гудвин так же поставлял ему с требуемой регулярностью…

Марту Вова хотел убрать из «Гелиоса» сразу после кончины Князя. Но новый хозяин города, помня о привязанности к Домино старого вора, решил иначе. Попросил не трогать Марту хотя бы временно. Гудовин пытался настаивать, убеждал, что Марта стала бесполезной и ее место стоит отдать другой, более послушной девушке (такие у Гудвина имелись), но Сивый сказал твердо:

– Дай ей время. Не окрутит толстого борова, уйдет сама. Она девка с головой, зря терять время не будет.

Если не считать этого нюанса, победа Вовы была полной. После стада опытных куртизанок Боря к Марте не приближался. Еще немного – и Домино поймет сама, что проиграла. Выхода на Сивого у нее не было. Рядом с новым хозяином паслись новые кобылки.

– Где ты взяла письмо Бори? – спросил хмуро.

– Он отправлял письмо дяде по электронной почте, но задержался с отправкой, – спокойно ответила Марта. – Я успела снять копию.

– А это не лажа, Домино? – зло прищурился Гудвин. – Смотри… со мной такие штуки не проходят.

– Я тебя умоляю, Вова! Не держи меня за маню! Мне это письмо и подтереться не нужно! – Марта яростно тряхнула головой. – Ты что думаешь, пришел сюда, сказал: «Сроку тебе, родная, два месяца», – я лапки кверху и адью?! Не выйдет, милый. Я уйду, но и ты вылетишь вслед за мной!

– А не много на себя берешь, Домино?

– Не больше, чем нужно, Гудвин. – Марта приблизила свое лицо к глазам противника и прошипела: – Помнишь, Вова, как месяц назад мама Сара к сыну приехала? Внезапно. А сыночек под кайфом с телками-малолетками…

Гудвин отшатнулся и упал в угол дивана, словно прикрыл бока подушками. Никогда он не думал, что может испугаться женского окрика.

А Марта продолжала давить:

– Мама Сара еще не знает, кто ее сыночку девок и кокс поставляет! Не знает, кто его по кабакам и саунам с бабами таскает!

Марта внезапно замолчала, спокойно, будто и не горячилась только что, налила себе коньяку и медленно, с удовольствием выпила.

– Я, Вова, еще тогда могла тебя спалить. Объяснить маме, кто платит и кто музыку заказывает… Как думаешь, сколько бы ты после этих слов на месте держался, а? – спросила, посмотрела презрительно и ответила сама: – Три минуты.

– Мать из Женевы ты вызвала?

– Нет. Она сама решила сыну сюрприз на день рождения сделать. А застала бардак. Черный. – Домино прикурила сигарету, выпустила тонкую струйку дыма. – Я тебя тогда, Вова, прикрыла. Сказала, девок и кокс Борины гости с собой привезли.

Гудовин не поверил ни единому слову. Приезд мамы инициировала Марта. Внезапность приезда – тоже ее рук дело. А то, что Домино не стала плавить… это еще вопрос. «Зачем-то я ей нужен, – подумал Гудвин. – Зачем-то понадобился… Врагов за просто так не милуют».

– Что предлагаешь? – повторил Гудвин.

Марта задумчиво посмотрела на кольцо дыма,

полетевшее к потолку, отхлебнула коньяку и проговорила медленно, цедя слова:

– Если Боря и дальше будет вести себя неприлично, его уберут. Свернут или продадут бизнес российский, а горе-сыночка вызовут в Швейцарию. Может, конечно, случиться и так – дядя пришлет на замену племяннику какого-нибудь Шульца и оставит бизнес за собой. Но нам, Вова, при любом раскладе ловить нечего. Тебе-то уж точно.

– Тебе тоже, – фыркнул Гудвин.

– Не скажи, Вова, не скажи. – Марта потянулась, и тонкое шелковое платье очертило стройное, молодое тело. – Шульцы не все женаты. А мне заграничные парни всегда нравились. – Домино выпрямилась и без всякого перехода выпалила: – Мы должны прижать Борика. Жестко, насмерть.

– На фига?

Марта брезгливо сморщилась:

– Ты его избаловал, Вовик. Если попробуем терапию, эффекта не будет. Опухоли, Вова, убираются только хирургическим путем. Разведем сантименты – упустим Борю.

– Его не прижать, Домино.

– Смотря чем жать, – не согласилась Марта. – Если глупостью какой, вывернется, а если статьей серьезной, подставой жесткой – обломаем.

– Как?

Домино потянулась к пепельнице, и Вова машинально подвинул ее ближе к женским пальцам. Он почти не заметил, как стал подчиняться. Гудвин не знал, что карьеристки экстра-класса забирают чужую постель целиком, одного одеяла им недостаточно.

– Послушай меня, Гудвин, внимательно, – сказала Марта. И Вове послышался голос старого хозяина. Не интонации, не акценты, а словно голос самого Князя донесся из преисподней и произнес последнюю фразу. Спина Гудвина покрылась мурашками, и он вспомнил, как иногда в речах старого вора за скобками ему слышались комментарии Марты. «Неужели не ошибся?! – поежился Гудвин. – Это она последний год старику на ухо кудахтала… Если

б продержался Князь годик-другой, сейчас бы я ей сапоги чистил». – Отучить Борю от красивой жизни можно только жестко. – Марта внимательно посмотрела на задумавшегося гостя. – Или ты не согласен?

Гудвин не торопился со словами. Пока Марта говорила правильно. Если мягкотелого Бориса дядя за сусала возьмет, тот живо расколется, кто его красиво жить научил. Предпоследний абзац письма ясно показал, как толстый боров приятеля Гудвина ценит.

А дядя скоро спросит. Мама Сара не зря приезжала. Приказ явиться в Женеву для личного доклада поступил еще на прошлой неделе.

– Мы, Вова, его статьей накроем. Да такой статьей, с которой в крытке вольно не живут. Заставим Борю целину вспахать.

– Ну-у-у, – протянул Гудвин и несколько расслабился. Домино мела пургу, как последняя дунька. – Несерьезная тема. Борику сильничать не надо, бабы сами на него прыгают.

– Твоими молитвами, – под нос буркнула Домино. – Но мы подставу организуем. Да не простую, а коллективную.

Гудвин с сомнением покрутил головой, пригладил пятерней жидкие волосы и крепко задумался. Взять Борю Гольдмана на групповом изнасиловании – задача практически невыполнимая. Теориями можно развлекаться хоть до утра, язык и уши все стерпят, но действительно заставить лощеного дельца применить к женщине силу – невозможно. Боря труслив, как серая мышь.

– Может, ствол или наркоту подкинем?

– Фи, Вова, как примитивно. Выкрутится.

– Тогда голый номер. Боря трус, баба только «Караул!» крикнет, он штаны на место и ходу. О коллективке и базарить нечего…

Марта неспешно встала, развязала поясок легкого домашнего платья, расстегнула верхние пуговицы и осторожно спустила его с плеч.

У Гудвина моментально вспотели ладони. Он решил, что женщина использует тело как последний аргумент, и с натугой, сально усмехнулся. Поваляться сегодня в постели с Мартой он, конечно, надеялся, но после всего сказанного надежды оставил.

– Ничего-о-о, – сиплым шепотом протянул Гудвин.

– Ты идиот, Вова! – рявкнула Марта. – Смотри сюда! – Женщина дернула подбородком влево и развернулась спиной. У левой ключицы и над лопаткой выделялись темные пятна – чья-то сильная пятерня стискивала плечо Марты до синяков.

Непроизвольно подбородок Вовы пополз вниз. На несколько секунд он так и застыл с открытым ртом.

– Это что… Борик, что ли, отметился?! – наконец выдавил он.

Марта распахнула полы платья, поставила ногу на журнальный столик, и Гудвин увидел – на стройном ухоженном бедре синели такие же пятна.

– Это не Борик, Вова, это твой кокс, – поправляя одежду, буркнула Марта. – У Бори после порошка башню напрочь сносит.

– Да ты что?! – поразился Гудвин. Он уже и думать забыл о стройном атласном бедре, мелькнувшим только что перед его носом. – Не замечал…

– А следовало, – укорила Марта.

– Стой, – дошло внезапно до Гудовина. – Он что, до сих пор к тебе ездит?!

Домино усмехнулась:

– И ездит, и спит, и разговоры разговаривает. Ты ведь ему кого подкладываешь, а? Мясо. А Борик у нас интеллектуал, ему поговорить в постели охота…

– О чем? – насторожился Гудвин.

– Обо всем, Вова, обо всем. Ты небось думал: «Ах, какой я молодец, ах, какой парень ловкий». А ты, Вова, как мартышка, – все хитришь, а жопа голая.

– За базар… – угрожающе начал Вова.

– Давай, Вова, не будем базар на стену мазать, – устало перебила Марта. И любимое выражение Князя снова кинуло на спину Гудвина горсть мурашек. Домино знала, какое слово и где надо вставить.

– Лады, – буркнул Гудвин.

Марта сходила в прихожую, принесла сумку и достала из нее какую-то таблетку. Разломив лекарство зубами надвое, запила его минеральной водой и пояснила:

– Голова болит, Вова. Давно болит. Так что давай о деле. – Женщина угрюмо оглядела Вову, словно не понимая, что это существо делает в ее доме, и начала говорить: – В пятницу вечером вы едете на дачу, в баню. – Гудвин даже не кивнул в подтверждение, он уже понял: Марта в курсе всего, что происходит вокруг Гольдмана. – Девок с собой не бери. Только бухалово и кокс. Вместо шлюх возьми вот это. – Домино дотянулась до свертка, лежащего под крышкой журнального столика, и протянула его Гудвину. – Это порно. Довольно гадкое, – Марта вздохнула, – раскумаритесь под видак.

– А что я Борику скажу, где бабы?

– На субботнике! Заняты! – бросила Домино и хмуро посмотрела на гостя. – Я что, все за тебя придумывать должна? Изобретешь что-нибудь. Итак, далее. Борик жрет, нюхает, смотрит на голые задницы и через час, можешь мне поверить, заводится на «дамский вальс». Ты сажаешь его в тачку и везешь в город…

– На фига? – перебил Гудвин. – На даче сотовый берет. Позвоним, сами приедут.

– Потеряешь!! – заорала Марта. – Сломаешь! Выбросишь! – И тише добавила: – О Бориной трубе я сама позабочусь. Посажу батарейки… Так, на чем мы остановились? Ах да. Выезжаешь на трассу. Через полтора километра у первой деревни будет стоять девушка в красном сарафане. Остановишься, предложишь подвезти до города. Девка будет косить под простушку, но глазки состроит. Начнешь ее тискать. Она попищит немного, но ты не бойся, врежь под дыхало, она и замолкнет.

– Сильно?

– Чего?

– Бить?

– Без разницы. Ей заплачено. Но врезать надо, чтобы она потом на очняке сказала – били, потому и не сопротивлялась…

– Стоп. Какой на хрен очняк?! Ты что, Домино, меня под статью гонишь?!

– Тихо. Никакой очной ставки не будет. Это подстава, – по слогам произнесла Марта.

– А если нет? Если ты мне баки вколачиваешь?

– Нет, Вова. Все честно. Девка – бикса из Москвы. Можешь проверить. – Марта усмехнулась. – Я же не дура, Вова. Пробей девку, она вся засвечена.

– Готовилась? – хмуро спросил Гудвин.

– Готовилась, Вова, а как же. Девка две недели за городом загорает, свежачок готовит. Но для серьезного дела по статье – не катит. Пробы ставить негде. – Марта налила себе немного коньяку, чокнулась с пустой рюмкой Гудвина и быстро выпила. – Я, Вова, знала, что ты мне не поверишь. Бланки задержания девки в Москве – твоя, Вова, страховка. За таких, как она, срока не вешают.

С нескрываемым удивлением Гудвин смотрел на Марту. Он еще не до конца понял ее план, но уже чувствовал – прокола не будет. Домино подготовилась на совесть.

– Завезешь девку в лес и отхаришь. Боря смотреть будет. Бикса так под тебя ляжет, у Бори слюни потекут. Никуда не денется, вторым полезет.

– А если нет?

– После порнухи, под кайфом, полезет. – Она усмехнулась. – Я девке инструктаж провела, как и чего делать, как лечь, чего говорить. Не устоит, золотой. Полезет.

– Ну, ты даешь, Домино! – выпалил Гудвин. – Круто завернула!

Не обращая внимания на похвалу, Марта продолжила:

– Девка чистая, резину не надевай. Потом для мазков сперма понадобится. Усек?

– Усек.

– Кокаина Борику столько дашь, чтобы потом в башке один туман остался. На дачу поедете на моей машине.

– Почему?

– Об этом позже. Сейчас о главном. Нужен чистый, не прикормленный мент. Есть у тебя такой?

Гудвин поскреб в затылке.

– Прикормленных до черта. Зачем тебе чистый нужен?

– Чтобы информацию на сторону не слил. Мент должен быть без подвязок. Это обязательно, мы на себя работаем. Найдешь такого за два дня?

Гудвин прикурил задумчиво и произнес:

– Есть один. Одноклассник бывший.

– Чистый?

– Молодой, отвечаю. А насчет фрахта… не знаю. Вроде не берет.

– Договориться сможешь?

– Смотря о чем.

– Игру сыграть. Девка заяву напишет, мент ее колоть начнет.

– Заяву вправду напишет? – спросил осторожный Гудвин.

– Нет. Регистрировать не будем. Когда мент на Борика страху нагонит, он к тебе побежит. Чай, подельники. – Домино криво усмехнулась. – Все вопросы будут решаться только через тебя.

– А если он еще где подстрахуется?

– Не смеши меня, Вова. Когда он к тебе прибежит, ты ему такого горбатого залепишь – обмочится. Групповуха статья паршивая, с такой кича – не гранд-отель.

Гудвин растянул губы в улыбке. Он уже представил, как трясущийся потный толстяк слушает байки о том, что в СИЗО с «шерстяными ворами» делают. «Как бы ласты не загнул, жирный», – усмехнулся Вова.

– Сделаем, Домино.

– Хорошо, Вова. От твоего мента нужен допрос в кабинете. Чтоб все чин по чину. Протокол, подписка о невыезде… Сможет он такое?

– А чего тут не мочь-то? Сделаем! – Гудвин уже веселился. Затея Домино ему нравилась – прижать позорной статьей хитрого еврея, забава крутая. – А твой-то интерес где, Домино?

– Алиби. Я дам Борису алиби. Но это, Вова, моя забота.

– Ну. И все?

– Нет. Ты мне поможешь. Нагонишь на Борю тоску зеленую, мол, не боишься обидеть Марту? Не боишься разозлить? Обидишь, а она в ответ тебя и сдаст…

– Фигня, – протянул Гудвин.

– Для тебя, Вова, фигня. Для его еврейской мамы – позор на всю седую голову. Боря предо мной до конца дней на цыпочках ходить будет.

– Н-да, – крякнул Гудвин, – это выгорит. Сара с Самуилом его линчуют, если узнают.

– То-то же.

– Машина почему твоя?

– А потому, Вова, что Боря трус, но не дурак, – выдала Домино. – Сначала он предложит откупиться. Ты денежки возьмешь, «съездишь к потерпевшей» и доложишь – девка денег не берет, крови хочет.

– И тогда… – проявил догадливость Гудвин, – Боре понадобится алиби.

– В точку. А для алиби твоя машина не подходит. Ты, Вова, извини, красиво жить привык. Твоя тачка одна на всю область. А у меня белая «девятка», таких пятьдесят на сотню. Понял?

– Не очень, – признался Гудвин.

– Все должно быть достоверно, – начала растолковывать Домино. – Какое может быть алиби, если потерпевшая четко опишет лица и единственную в городе машину? Никакого. Мент-то у нас чистый, на взятку не пойдет. Так что алиби должно быть непробиваемым. – Марта прикурила от предложенной зажигалки и продолжила: – Вот если тебя кто, Вова, спросит: сядешь ты в белую «девятку» после своего шикарного кабриолета? Нет, Вова. Весь город знает – ты скорее сдохнешь, пешком пойдешь, но на меньшее, чем «мерседес», не согласишься. Так? Поэтому моя машина тоже лыко в строку…

– Но ведь Борик тоже знает, что я без своей тачки никуда, – буркнул Вова.

– А ты ему скажи, что хорошему другу уважение сделал – дал машину напрокат. Пусть какой-нибудь паренек на твоей тачке по городу покрутится. Это, Вова, твое алиби. Стекла у машины тонированные, кто за рулем сидит, ни один бес не разберет. А «разводить» Борю надо грамотно. Он дни и ночи надо всем думать будет. Если где проколемся, вмиг учует.

– А сперма? – недовольно бросил Гудвин.

– А деньги? – в тон ему сказала Марта. – Мне девке и твоему менту из своего кармана платить неохота. Скажем, надо медикам на лапу сунуть, чтобы мазки «протухли». Дело обычное, я узнавала. И Боря поверит. Он сам взятками дышит. Это во-первых. А во-вторых… кто в лесу, насилуя, презерватив надевает? Боря может не надеть, так что об этом заранее подумать надо, – сказала Домино и повторила: – Все должно быть достоверно. Мы ему алиби – он нам вечную благодарность. Марта добрая, она ему и машину свою для шалостей дала…

Уже не скрывая восхищения, Гудвин смотрел на Домино. Какой ход, а! «Добрая», верная женщина прикрывает опозорившегося любовника, зная, что на ее машине он завез девушку в лес и изнасиловал. Сильно! По-мужски сильно и красиво. Такие поступки ценят всю жизнь.

– Ты, Марта, тачку потом не выбрасывай, поставь перед его окнами в цемент. Пусть до последнего дня напоминает Боре, кто его шкуру спас.

Марта вяло махнула рукой:

– Пустое, Вова…

– Но ведь женится, Домино! После такого – ей-же-ей, женится!

Гудвин уже и думать забыл, зачем приехал в этот дом. «Прав был старик, голова у Домино золотая! И нервы железные. Две недели биксу где-то маринует, ждет, пока я дозрею. – Вова мысленно вздохнул. – Ведь знала же – приду. И я тоже хорош… полез в воду, не зная броду. Думал, по полу бабу размажу. Но за «прибыль на родную маму» толстый боров мне заплатит. Всю жизнь во сне будет видеть коврик у параши!» И, не удержавшись, спросил:

– А девка не проболтается?

– Она ручная, Вова. На ней кое-что висит…

– Что?

– Не важно. Ей ноги из страны уносить надо. В Москве кислород перекрыли, бабок нет. За штуку баксов она тебе ботинки целовать будет.

– Красивая?

– Кобель ты, Гудвин, – усмехнулась Марта, – тебе-то что за дело? Красивая не красивая, главное, умелая!

– Ну тогда лады. Оформим. Может, отрепетируем спектакль?

– Э нет, дорогой. Сговориться я вам не дам! Увидишь в пятницу вечером на обочине, в красном сарафане. Не ошибешься. Она скромно голосовать будет, не как шлюха, а как мамина дочка, что на автобус опоздала. Запомни, красный сарафан на выезде из первой деревни.

Гудвин разлил остатки коньяка по бокалам, выпил глоток и посмотрел на Марту. Она долго ждала этого разговора. Готовилась. Значит, даже железные нервы подточены. И из ситуации следует выжать все. Иного случая может не представиться.

Медленно подбирая слова, Гудвин пошел ва-банк:

– Марта, я, конечно, понимаю, в этом деле и мой интерес есть… Но ты получаешь больше. Ты получишь – все.

– Сколько, Гудвин? – сразу поняла Марта.

– Не сколько, а тебя, Домино…

В пятницу вечером хозяин фирмы «Гелиос» зашел в кабинет к своему референту. Неловко перебирая толстыми ножками, Борис Аркадьевич приблизился к столу, заваленному деловыми бумагами, и, смущенно улыбаясь, произнес:

– Марточка, тебе машина сегодня нужна?

– Нет. – Марта отложила в сторону авторучку и поглядела на любовника.

– Может быть… одолжишь… На вечер.

– Кому? Тебе? Ты же не водишь…

– Ну, в общем-то не совсем мне… Нам с Владимиром Александровичем в одно место съездить надо.

– Опять на всю ночь? – с укором произнесла Марта.

– Нет, нет, только на вечер, – быстро солгал хозяин фирмы.

Марта достала из сумочки ключи и протянула их Борису:

– Бери. Только много не пей. Что-то у тебя в последнее время лицо одутловатым стало. И с сауной поосторожней…

Борис Аркадьевич схватил женскую руку, протянувшую ему ключи, прижал ее к губам и растроганно пробормотал:

– Ты ангел, Марта.

– Я знаю, – серьезно кивнула Домино, – главное, чтобы ты об этом не забывал.

Борис Аркадьевич виновато поерзал глазками, пожал круглыми плечиками и выкатился прочь из кабинета.

Вслед ему прищурились глаза такого ангела, что, оглянись Борис Аркадьевич, упал бы замертво.

Марта собрала бумаги, привела стол в порядок и поехала к косметичке. Утром в субботу времени на красоту у нее не останется. Утром в субботу она будет ждать пьяного от ужаса Гольдмана.

Впрочем, и поздний вечер пятницы обещал стать забавным. Гудовин получил наказ отзвониться, как только первая часть плана будет выполнена.

…От головного офиса фирмы «Гелиос» до салона красоты «Волшебная заря» Марта решила пройти пешком. Погода конца августа стояла дивная, узкие улочки, по которым шагала Марта, не были забиты машинами, под ногами шуршали первые опавшие листья тополей. Сегодня утром Гудовин сказал, что парень, которому он отдал ключи от кабриолета, похож на него, как однояйцовый близнец. Когда-то давно Вова уже использовал данную схожесть для розыгрыша, и сегодня парень полагает, что вновь помогает другу в шутке.

«Все складывается на редкость удачно», – в такт перестуку каблучков думала Марта. Гольдман сам зашел за ключами от машины и уже чувствует себя виноватым. Погода не подпакостила, девку можно будет вытащить из машины на сухую траву… все просто заме-

чательно. Жаль, что единственная и любимая подруга компании на вечер не составит. Днем Домино отвезла Лялю, главбуха «Гелиоса», на автовокзал. Завтра у Ляли годовщина смерти матери, и она поехала в Кашин навестить родню и сходить на могилу мамы.

… У косметички тоже было отличное настроение. На этой неделе ей доставили из Франции новую серию средств для ухода за кожей лица, клиентки млели от цен и на прием стояли очередью.

Когда у двух женщин – посетителя и мастера – хорошее настроение, эффект от процедур увеличивается многократно. Из салона Домино вышла помолодевшая до неприличия – семнадцать, ни днем больше.

Неприятности для Марты начались в девять вечера. Домино лежала на диване, листала дамский журнал и на писк сотового из сумочки отозвалась спокойно:

– Алло.

– Марта Игоревна! Это я! – Голос московской проститутки рвался сквозь треск помех. Марта машинально посмотрела на часы. «Ого! Однако быстро парни управились». – Они другую телку на трассе взяли! В красном платье!

– Что? – Домино не сразу въехала в суть и переспросила: – Оля, ты о чем?

– Марта Игоревна! – прорыдала проститутка. – Они до меня не доехали, подобрали на другом конце деревни девчонку в красном платье!!

Инструктируя девушку, Марта велела ей встать на выезде из деревни. Проезжая населенный пункт, водители сбрасывают скорость, и у Вовчика будет время привлечь внимание Бориса к женской фигуре на обочине.

«Эх, черт, – ругнулась Домино, – надо было на въезде телку ставить!» Но кто же знал? Деревенские девчонки редко надевают вызывающе яркие наряды…

– Оля, когда они мимо тебя проехали?

– Пять минут назад!

– Тебя заметили?

– Нет! Что я, должна была им под колеса прыгнуть?! Они в тот момент ту девчонку обхаживали!

– Не ори. Деньги свои получишь. Возвращайся к себе и жди меня. Можешь еще понадобиться. Девчонка, которую они сняли, проститутка?

– Да вроде нет, – неуверенно пробормотала Ольга. – У нее сумка тяжелая была. Наши с такими не ходят…

Положив трубку, Домино чуть не взвыла. Изящная, многоходовая операция, в суть которой она не посвятила Гудвина даже наполовину, шла прахом. Казалось, Домино предусмотрела все – на случай нештатного развития ситуации у нее были подготовлены иные комбинации, – но того, что придурок Гудвин не в состоянии отличить платье от сарафана, Марта не ожидала.

От ярости ей хотелось укусить себя за локоть.

И это еще цветочки. Когда сексуально озабоченный Гудвин завалит деревенскую девчушку и попадет под статью, прощения Марте не будет. Еще с времен Князя Домино знала – Гудвину человека подрезать что высморкаться.

«Что делать?! – билось в голове Марты. – Спокойно, Домино, спокойно. Первым делом следует отсечь Гудвина. Отправить его из города куда подальше, пусть проветрится. А самой дела улаживать».

Марта еще раз посмотрела на часы, взяла сотовый и набрала номер подруги:

– Алло, Ляля, это я. Доехала до места?

– Нет. Этот чертов автобус сломался. Два часа стояли, только в город въезжаем.

«Слава богу!» – чуть не вырвалось у Домино.

– Ляля, выслушай меня. Все очень серьезно. К дому мамы ты должна подъехать на белой «девятке». Такой, как у меня. Обязательно. В квартире тебя кто-нибудь ждет?

– Нет. – Лялина мама жила в крошечной, завещанной дочери квартирке на окраине. Девушка ехала на родину, чтобы уступить уже ненужную площадь родственникам за полцены. – Двоюродные сестры у себя, дядя…

– Позвони им, – перебила Марта, – и сообщи, что приехала не одна. С тобой друг.

– Кто?! – опешила та.

– Ночью на моей машине к тебе приедет Гудвин. Ты должна обеспечить ему алиби.

– Чего?!

– Алиби, Ляля, алиби. Он впутался в нехорошую историю, ему надо помочь.

– Хорошо, – чуть слышно пролепетала Ляля. Гудвин и главбух фирмы были любовниками. Не от слова «любить», а от словосочетания «Вова» и «похоть», но в русском словаре подобных сочетаний не предусмотрено.

– Запомни, Ляля, – белая «девятка», – настаивала Марта. – Надеюсь, другие номера никто не запомнит и внимания на них не обратит. Шофер тебя высадит у подъезда и уедет. Потом, если понадобится, скажете – это был Вова, он высадил тебя и поехал в магазин за закуской. Все поняла?

– Да.

– Тогда адью. Мне позвоните только утром…

Телефонная трубка чуть не выскользнула из влажных от испарины ладоней. Марта обтерла руки о подол платья и пошла к бару. Следует немного выпить, снять напряжение и прийти в себя. Для разговора с Гудвином ей понадобится весь арсенал железного интригана – спокойствие, убедительность и детально подготовленные ответы на каждый из возможных упреков.

Но к тому, что сообщил ей Гудвин, Марта подготовиться все же не сумела. Даже буйной фантазии Домино не хватило, чтобы представить реальное положение дел.

Он позвонил около десяти вечера.

– Домино, ты чё, в натуре, замутила, сука! Твоя бикса Борин ствол сперла, нас чуть не положила!! Ты чё, в натуре, лажу гонишь! Боря чуть не обосрался! Это твоя…

– Стой! – перебила Марта. – Какой ствол?!

– Зарегистрированный, б…! Ты кого разводишь, сука!!!

– Подожди! – заорала Домино. – Заткнись! Сам придурок! Ты кого в машину посадил?!

– Твою… – начал Вова.

– Ты деревенскую девку снял!! Я тебе что, дураку, сказала?! Девка в красном сарафане на *выезде* из деревни!

– А я? – уже спокойней пробасил Гудвин.

– А ты?!?! Ты взял девчонку в красном платье, на въезде! В платье, Вова, понимаешь, в платье! А надо было в сарафане, это такая фигня на лямках!

– Б… – Гудвин выругался длинно и матерно.

– Про въезд и выезд я вообще молчу. – И выдохнула: – Где вы сейчас? Где Боря?

– Стою на улице Красина у рыгаловки. Боря в сральник пошел… еле донес…

– Так. Слушай сюда. Сажай Борю на такси, сам езжай в Кашин к Ляльке. Она тебя ждет…

– Зачем?

– Слушай! Днем, на своей машине, я довозила Лялю от работы до дому, потом на автовокзал. Сама я из машины не выходила, ждала у подъезда. Очевидцы подтвердят – Ляля уехала на белой «девятке» в четыре часа дня. С тобой. Моего лица никто не видел. Понял? Сейчас Лялька звонит родне, говорит, что приехала с другом. Так что меняем план – тебя в городе не было с четырех часов дня. Ты уехал в Кашин вместе с подругой. Ясно!

– Понял, – буркнул Гудвин. – А Борю куда?

– Ко мне. И все. Остальное – моя забота.

– Я это… Домино, в натуре, не знал. Девка брыкаться начала, я ей под дыхало… как ты велела. Она поскулила и замолкла. Я ж… думал, вы так договорились. Для натуральности… притворяется она…

– Все, Гудвин. Потом говорить будем.

Когда Борис Аркадьевич ввалился в квартиру Домино, он был уже в полуобморочном состоянии. Рухнув на колени в прихожей, обхватил голову руками и раскачиваясь из стороны в сторону, завыл нудно и громко:

– Прости-и-и! Марта, прости-и-и!

Домино наклонилась к любовнику и влепила пощечину в пухлую щеку. Голова Бориса дернулась, он зарыдал, ловя воздух разинутым ртом:

– А-а-а, Марта, а-а-а!

Марта врезала еще раз, и голос мужчины затих до слабого скулежа:

– Марточка, я сам не знаю… я ничего не помню, я ничего не соображал. – Слезы, перемешиваясь со слюной, текли по подбородку, Гольдман их не утирал, мотал щеками, как перетрусивший бульдог, и выл.

Брезгливо морщась, Домино сходила на кухню за стаканом воды.

– Пей, – приказала она.

Обливаясь и захлебываясь, Борис выпил воду и, не удержав стакан в руках, уронил его на ковер.

– Встань.

Борис схватился мокрыми пальцами за дверной косяк, попытался встать, но дрожащие ноги подломились, и он рухнул на пол. Стоя на четвереньках, толстяк тряс головой и плакал.

– Размазня! – прикрикнула Марта. – Вставай! Меня крокодильи слезы не жалобят. Мерзавец!

– Вова тебе позвонил? – всхлипывая, спросил Гольдман. – Все рассказал?

– А куда ему еще звонить?! – возмутилась Марта. – Вы на моей машине девчонку изнасиловали!

От слов, жестко определяющих суть поступка, Борис Аркадьевич завыл, заскулил и чуть не задохнулся от ужаса.

На какое-то мгновение Марте стало жаль толстого, наивного еврея. Она помогла ему подняться и, поддерживая, повела в гостиную к дивану.

Борис Аркадьевич рухнул, пружины скрипнули под его весом, и хозяин «Гелиоса» успокоился среди мягких подушек. Карие навыкате глаза уставились в потолок; любовник Домино впал в некое подобие ступора.

Марта разглядывала круглое, в красных пятнах лицо и думала, что делать, если изнасилованная девушка уже сидит в гинекологическом кресле и врач берет у нее мазки на анализ спермы.

– Боря, ты резину надевал?

– Чего? – не отрывая глаз от люстры, спросил Гольдман.

– Я говорю, ты презерватив надевал?

Секунду подумав, толстяк покачал головой:

– Нет. И Вова тоже…

«Теперь действительно придется выходить на медэксперта, – подумала Домино. – Если Гудвина возьмут, он меня порешит. Сразу не получится, так потом, – откинется с зоны и зарежет. Позорной статьи он мне не простит».

Что же делать?!

А вот что. Надо найти девчонку и дать денег. Сразу и много. Найти ее легко. Следует послать кого-нибудь в деревню на трассе и узнать, чья дочка, внучка или гостья в красном платье уезжала сегодня вечером в город.

Но кого послать? Самой ехать нельзя, да и не хочется. Случись что, ее вмиг опера срисуют – Домино фигура заметная.

Так. Лялька с Гудвином в Кашине. Из Бори сыщик как из говна пуля.

Кого? Кого послать, если больше ни одного человека посвящать нельзя?

Или время терпит?

Эх, зря она с испугу Гудвина из города убрала.

Но сделанного не воротишь. Вова уже выехал из зоны досягаемости сотовой связи, он медвежьими углами до Кашина добирается.

– Марта, спаси меня, – вдруг всхлипнул Гольдман. Домино промолчала. У нее не было времени на утешения. – Я знаю… ты можешь, – продолжал скулить любовник.

– Заткнись, – приказала Марта. – Дай подумать.

Готовя операцию, она и представить не могла, что юродствовать, изображая «спасительницу», ей не придется. У Домино в действительности голова распухала от сотни мыслей и тревог.

– Боря, ты помнишь вечер прошлой субботы? – Любовник покачал головой. – Сосредоточься, пожалуйста. Вспомни, ты пришел пьяный, принес красные розы… Ну? – Борис наконец кивнул. – Теперь слушай меня внимательно. Весь сегодняшний вечер ты провел со мной. Ничего другого не было. Не было ни дачи, ни девушки… ничего. Ты весь вечер просидел здесь. И наши показания, которые, возможно, скоро понадобятся, не должны отличаться ни на йоту. Мы сидели дома, пили, ели, разговаривали. О чем разговаривали и что делали, говори, вспоминая прошлую субботу. До мелочей. Только телевизор исключи, – поморщилась Домино, – сегодня программа другая. И розы красные забудь. Понял?

Борис попытался благодарно улыбнуться, но распухшие губы изуродовали лицо до гримасы, и Домино брезгливо отвернулась. «Слизняк», – проскочило в голове.

Впрочем, «доброму ангелу» негоже оскорблять презрением раскаявшегося грешника. Домино стерла с лица гадливое выражение, заботливо укрыла Борю пледом и прошептала:

– Спи, любимый. Тебе надо отдохнуть. Если девчонка запомнила номер машины, скоро за мной придут. Ты должен быть в форме.

Борис испуганно выкатил глаза, Домино положила ладонь ему на веки и тихо шепнула: – Спи.

Сама Домино не спала ни секунды. Вздрагивая от каждого хлопка двери в подъезде, она прислушивалась к шуршанию шин по асфальту двора, подбегала к зашторенному окну и в щелку смотрела на подъезжающие машины. Приедет за ней «воронок» или «жигули», она не знала и испуганно провожала взглядом любую машину или человека, входящего в ее подъезд.

Свой испуг и страшную ночь Домино не считала наказанием. Она называла это «вероятным сбоем в цепи». Не привыкшая сдаваться без боя, Марта предпочитала сражаться до последнего патрона, последнего вздоха, стона, хрипа. Детство на рабочей окраине научило ее многому – использовать в драке каждый подвернувшийся предмет; обманывая противника, расслабляться на секунду и тут же давать сдачи, когда этого уже не ждут.

«Мы еще посмотрим, чья возьмет, – думала женщина и, оглядываясь на храпящего Бориса, усмехалась. – Этот уже мой. Приз получен, и назад я его не отдам!»

Рано утром, когда Гольдман еще спал, Марте позвонил Гудвин.

– Вова, как девчонка получила пистолет?

– Вынула из Бориной борсетки, когда мы уже обратно в машину усаживались.

– Направила на вас и угрожала?

– Да.

– Чем? Милицией?

– Нет. Говорила, что ее парень в десанте служит, вернется и того… нас замочит…

– Понятно. До города вы ее довезли?

– А Борис тебе ничего не рассказывал? – удивился Гудвин.

– Нет, у него от страха все путается.

– А-а-а, – протянул Гудвин. – Она ствол на нас направила и в лес убежала.

– У девчонки сумка была. Где она?

– В машине осталась.

– Что в ней? Документы есть?

– Да какие документы. Картошки пара килограммов и зелень.

– А где же она деньги на проезд держала? – удивилась Домино.

– В платье карманы глубокие, – буркнул Вова.

– Жаль, – отрезала Марта. – Теперь придется в деревню ехать, сельчан расспрашивать…

– Я уже об этом думал, – согласился Гудвин. – Позвоню сейчас одному человечку, пошлю туда. Он все выяснит.

– Человек надежный?

– Да. Я ему наплету с три короба, мол, в деревенскую красотку влюбился, ищу теперь. Скажу, чтоб по-тихому все выяснил, не светился.

– Это хорошо-о-о, – протянула Марта. – Теперь о главном. Тебе в городе показываться нельзя. Дай мне телефон мента. Не твоего чистого, а делового. Я с ним свяжусь, попрошу узнать, зарегистрировала ли девчонка заявление об изнасиловании. Есть надежда, что девчонка к ментам не пошла. Жертвы насильников не любят лишних разговоров. – И тихонько добавила: – Тем более что у нее парень в армии служит, а в машину вы ее силком не тащили…

– Сейчас позвоню своему человеку…

– Погоди, – перебила Марта. – Когда девчонка в машину садилась, рядом кто-нибудь был? Провожал, видел…

Гудвин замялся:

– Вроде нет…

– Вова, ты что, под кайфом был?! – Гудвин не ответил. И Марта закричала: – Я же тебя просила! На такие дела под марафетом не ездят!!

– Домино, я только один косячок…

Марта швырнула трубку и буркнула: «Идиот!»

Борис Аркадьевич просыпался медленно. Казалось, ему было страшно открыть глаза, увидеть себя у Марты и понять, что все случившееся – не сон. Домино давно, по дыханию, догадалась, что любовник проснулся, но трусливо тянет время. Избавляя Гольдмана от неловкости, женщина стянула с него плед:

– Хватит притворяться, Борис. Вставай, умывайся и иди завтракать.

– Нельзя быть такой доброй, Марта, – не открывая глаз, прошептал Гольдман.

– Нельзя, – согласилась Марта. – Но приходится.

Через час Домино знала – заявление об изнасиловании зарегистрировано не было. Теперь, даже если девчонка пойдет в милицию, доказать факт насилия будут трудно. Вероятнее всего, придя домой, девчонка тут же залезла под воду и смыла все следы.

Говорить об этом Гольдману Марта не стала.

Завтракать Борис Аркадьевич отказался. Попросил наполнить ванну водой с успокоительной солью и до обеда скрывался под шапкой пены. Словно надеялся – карающая рука правосудия не вытаскивает из пены мокрых преступников.

Марта приготовила легкий диетический обед, продуманно-тщательно оделась и, зайдя к любовнику, села на край ванны.

– Довольно прятаться, Борис. Вылезай из воды, она грехи не смоет.

Гольдман тоскливо вздохнул и, очень напомнив Марте розового толстого тюленя, начал медленно подниматься из пены. Протягивая ему полотенце, Домино едва удержалась от желания залепить в трясущуюся, словно студень, щеку увесистую пощечину.

За обедом Гольдман вяло ковырял вилкой приготовленную на пару рыбу и таращился в окно, избегая взгляда Марты.

– Скучно, Боря, без девок и кокса? – не удержалась Домино.

Гольдман дернулся, как от удара, пристально посмотрел в глаза Марты и поднял бокал с сухим белым вином:

– Марта. Я хочу дать тебе обещание. Никогда, поверь, никогда я не притронусь к кокаину. Пить буду только вино. И с этой минуты ты – единственная женщина в моей жизни. Кроме мамы, естественно.

Дотянувшись до бокала Марты, Гольдман осторожно чокнулся и выпил вино одним глотком.

Марта свое только пригубила.

Весь день, вечер и ночь субботы, все воскресенье напролет Борис Аркадьевич был тих, нежен и послушен. Марта голубем, заботливо порхала вокруг и демонстративно собирала сумку «с вещами на выход». «Может пригодиться, Боренька», – печально говорил «добрый ангел», и Бориса Аркадьевича разбивал временный паралич. Один взгляд на приготовленную сумку – и господин Гольдман лишался голоса, движения и желания жить.

Утром в понедельник Боря и Марта вместе поехали на работу. Два милых, ласковых супруга.

Гудовин приехал в офис после обеда. Еще в субботу Марта позвонила ему и Ляле и дала отбой тревоги.

Плотно прикрыв дверь, Гудвин вошел в кабинет референта, уселся в кресло и, закинув одну ногу на другую, достал записную книжку.

– Девчонку зовут Кудрявцева Ольга Владимировна, – сказал, покачивая начищенным ботинком.

«Рано ты, Вова, расслабился», – подумала Домино и буркнула:

– Браво. Поменяли одну Ольгу на другую…

Гудовин крякнул, поменял позу и продолжил:

– Место жительства известно. Учится в медицинском на втором курсе. Живет вдвоем с матерью. Есть еще сестра, но она переехала к мужу в Мурманск. В деревне у Кудрявцевых дача. Ольга ездила туда полить-прополоть.

– На даче кто-нибудь живет?

– Нет.

– Это хорошо. Значит, никто не провожал, в окно не выглядывал и не видел, в какую машину девчонка усаживается. Но могли быть соседи…

– Далеко, деревьев много, – перебил Гудвин. – Наших лиц видеть не могли, если только машину.

– Мою, – вставила Домино.

Не обращая внимания на укол, Гудвин продолжил:

– Мать сейчас в отъезде. Лечится где-то в санатории.

– Откуда информация?

– Обижаешь, Домино, – оскалился Вова, – не фраера работали. Лучше скажи, что дальше делать будем?

Домино прикурила от своей зажигалки, выпустила дым и произнесла:

– Борю надо дожать. О том, что девчонка не пошла в милицию, пока молчим. Возьми у Бори деньги на подмазку ментов и девчонки и езжай выкупать ствол.

– А если она его сбросила?

– Может, и сбросила. Но вряд ли.

– Почему это?

– А она его, Вова, теперь под подушкой держать будет, – усмехнулась Марта. – Или у входной двери на тумбочке. Так что езжай к ней… или нет. Лучше пошли кого-нибудь. Ты у нее неприятные воспоминания вызовешь. Не торгуйся. Дай, сколько потребует. Деньги не твои. И, Вова, умоляю – жми Борю! Сейчас иди к нему и такого страху нагони, чтоб плакал!

– Может, все-таки моего мента подключим? Как хотели. Если Боря в кабинет попадет, вмиг расклеится.

– Нет, Вова. Все слишком сложно, запутанно, может не выгореть.

– А если рискнуть? Заявы все равно нет… Пусть старлей его попугает.

– Нет. Теперь без адвоката Боря в ментуру не пойдет. – Домино глубоко затянулась. – А адвоката на порожняк не возьмешь. Одно дело – моя московская бикса скулит и жалится, другое – полная лажа без потерпевшей.

– А как же ты раньше с адвокатом хотела? – удивился Гудвин. Сам он о такой «мелочи» даже не подумал.

– То, Вова, было раньше, – заметила Домино. – Теперь Боря подготовился сам. Он уже с нашим Фельдманом советовался, просил спеца по уголовным делам найти.

– Н-да, лажа, – крякнул Вова. – Кстати, не такой Боря лох. Он уже мне задание дал – выяснить, была ли девчонка в ментуре.

– Ну, и что ты?

– Сказал, до вечера выясню.

– Тяни, Вова, тяни! Нельзя его сейчас упускать! И так облажались.

– Знаю, – твердо произнес Гудвин. – Сейчас пойду к Борику, возьму его тепленьким и расскажу, как в «хате» себя вести. Пусть послушает. – И усмехнулся: – Вдруг пригодится?

Через час после ухода Гудовина в кабинет Марты буквально вполз Борис Аркадьевич. Чудом не промахнувшись мимо стула, он сел и запричитал:

– Боже, Марта! В тюрьме я не выдержу… это какой-то ужас!! Чтобы я еще раз… когда-нибудь… напился!!

В тот же вечер, за ужином в ресторане, Борис Аркадьевич надрался как свинья. Гудовин сообщил ему, что потерпевшая не обратилась в милицию, и Гольдман ушел в дикий, черный загул. Совершенно невменяемый, он приехал к Марте и, давясь хохотом, показал фигу:

– Все, Марта, все! Эта дура не пошла в милицию! – и, рухнув на диван, заголосил: – Виват, виват, Россия!! Страна беззакония и произвола! – Пьяный и мерзкий, он схватил Домино за руки и рывком усадил себе на колени.

Опешившая женщина даже не сопротивлялась, когда сильные пальцы начали мять ее тело. Перемена в Борисе была столь разительной, что сосредоточиться Домино не успела. Только стонала тихо.

Снимая стресс, Гольдман, конечно, выпил много, но такой буйной, неуправляемой реакции Марта не ожидала. Он просил налить еще, хохотал и посылал проклятия; фига стала любимой комбинацией толстых пальцев…

Раздавленная и униженная, Марта выдержала прощальный мокрый поцелуй и, стоя у окна, наблюдала, как по-барски вальяжный и нетрезвый любовник усаживается в такси.

«Продолжать поехал, сволочь», – догадалась Марта. В ярости схватила с подоконника вазу и грохнула об пол.

Добыча ускользнула. Уехала в такси. Исчезла в ночи. Послала жирную фигу. И провернуть еще раз подобную комбинацию не удастся никогда. Боря протрезвеет, очнется и станет осторожным до подозрительности. Близко к непроверенной шалаве не подойдет.

Ломая тапками осколки вазы, Марта подошла к телефону и набрала сотовый номер Гудвина.

– Ты где?! – прорычала она.

– Девку у дома караулю, – отчитался Вова. – Нет ее нигде.

– Быстро ко мне, – приказала Домино и оборвала связь.

Ей казалось, что еще чуть-чуть – и тело лопнет от напора пещерной, звериной злобы. Ярость клокотала в горле, рвала ушные перепонки, мешала жить, дышать и думать. «Свинья! Жирная, потная свинья! – бесцельно билось в висках. – Уничтожу, тварь!! Размажу по асфальту! На ленточки порежу…» Вторая ваза сорвалась со стола и грохнулась о стену. Домино хотелось громить, крушить, вопить и резать. Когда Гудвин добрался до квартиры Марты, она встретила его совершенно обезумевшей.

– Ничтожество! Импотент! – орала она. – Гудвин, клянусь, я загрызу его зубами!!

Вова с удивлением наблюдал дикий спектакль. Бесконечная ярость – привилегия мужчин; все ранее встреченные им женщины могли сердиться, рыдать, скандалить или тихо лить слезы. Истерика Домино показалась ему страшной. Где-то когда-то Гудвин слышал: немецкие антитеррористические группы получают приказ – при захвате бандитов в первую очередь уничтожать вооруженных женщин. Они, в отличие от мужчин, совершенно непредсказуемы и оттого наиболее опасны.

Гудвин подошел к бару, выбрал коньяк и налил Марте половину стакана.

– В фужер! – прорычала Домино. – Из стаканов не пью!

Вова послушно перелил «Камю» в фужер, протянул его женщине и, подождав, пока она выпьет, спросил:

– Что случилось, Марта?

– Он нас кинул, Вова! – с истерическим хохотом выдавила Марта. – Как последних фраеров!

– Не понял, – насупился Гудовин.

– Мы ему больше не нужны. – Домино запустила пальцы в волосы и взбила загривок в львиную гриву. – Сядь и слушай. – Гудвин сел на диван и уставился на внезапно, без всяких полутонов и переходов успокоившуюся Марту. – Мы ему больше не нужны. Могу сказать больше. Скоро Гольдман нас уберет. Как постоянное напоминание ужаса.

– Он сам тебе сказал? – Вова сходил к бару и налил коньяку в свой фужер.

– Нет, – уперев руки в бока, немного ернически произнесла Марта. – Он еще сам об этом не знает. – Женщина подошла к гостю, склонила свое лицо к нему и прошептала: – Но это будет. Обязательно. Рано или поздно. И никакие угрозы наябедничать маме Саре не помогут. Скажет – все это мелкая месть брошенной женщины.

– Уверена?

– Абсолютно. Эта тварь нас выкинет.

– А если…

– «Если», Вова, быть не может. Знаешь, как он теперь говорит об изнасиловании? «Невинное приключение»! Наше «невинное приключение». Тварь!

Гудвин достал из кармана зажигалку и сигареты, прикурил и высказался:

– Быстро же Боря оправился…

– А я тебе, Вова, говорила – тяни! Надо жать!

– А что я мог? – Гудвин пожал плечами. – Он же знает, у меня в городе все повязано.

Марта подняла голову вверх и завыла, как раненая волчица. Где-то в вое Гудвину послышалось «своло-о-очь!».

Выплеснув в крике остаток агрессии, Домино села в кресло напротив Гудовина, откинулась свободно и положила ногу на ногу:

– Мне нужен ствол, Вова.

– Очумела! – перепугался Гудвин. – Своими руками веревку мылить? Я – пас. На меня первого подумают…

– Ты не понял, Вова, – перебила Марта. – Мне нужен Борин ствол. Зарегистрированный.

– Зачем? – осторожно спросил Гудвин.

– Из этого ствола ты, Вова, загасишь бомжа. И оставишь пушку на месте.

Рука Гудвина непроизвольно дернулась, и длинный столбик пепла упал на черную футболку.

– Слабо, Вова? – усмехнулась Домино.

– Что ты задумала? – хрипло произнес Гудвин.

– Ничего особенного. Поставим Борю перед выбором – или признаваться в изнасиловании, или падать нам в ноги.

– Как это?

– В день, когда Боря будет один, без свидетелей, без телефона, ты загасишь бомжа. – Домино поправила на стройных ногах складки платья, уловила в глазах собеседника понимание и продолжила: – По номеру оружия менты выйдут на Борю. И никуда толстый не денется. Рассказывать о том, что ствол увела изнасилованная девушка, а потом где-то выбросила, он не будет. Побежит к нам и попросит помощи. А мы поможем, Вова.

– А адвокат?

– А алиби?

– А если у него будет свидетель, что такого-то числа в такой-то час Боря Гольдман был там-то и там-то?

– Изоляцию мы ему обеспечим. Все в наших руках. Главное – все сделать быстро, пока он не побежал в милицию заявлять о пропаже «игрушки».

– А если девчонка ствол все-таки выбросила?

– Это вряд ли. Она теперь с ним спать будет. Поверь, психология обиженной женщины мне известна лучше, чем тебе. – Домино вздохнула. – В крайнем случае спросишь, куда ствол выбросила, и постараешься найти.

– А отпечатки?

– А ты обойму, Вова, не трогай. Там Борины пальчики обязательно найдут. И спросят, почему вы, уважаемый господин Гольдман, о потере оружия вовремя не заявили? Как думаешь, поверят нашему Боре?

– А он нас не заподозрит? – продолжал осторожничать Гудвин.

– Я тебя умоляю, Вова! Ты в «невинном приключении» замаран больше его! Паровозом пойдешь!

– А если он сознается? – перетрусил Вова.

– Нет, – твердо произнесла Домино. – Боря предпочтет мокрую статью на себя взять, групповуха ему ни к чему.

Гудвин встал, подошел к темному окну и сквозь прозрачный тюль долго смотрел на освещенную полоску шоссе, на мчащиеся автомобили. Новый план Домино ему нравился. Но также Вова знал, как работают криминалисты, знал о тестах на пороховые частицы, о консервации запахов, о том, что по единственному волоску с места преступления можно установить преступника.

– Вова, убийства бомжей тщательно не расследуются, – словно подслушав его мысли, проговорила Домино. – Тем более когда нас спросят, – а нас спросят, – мы непрозрачно намекнем, что Боря отъявленный трус и вполне мог шмальнуть в бомжа, вывалившегося на него из кустов в темноте. Шмальнул с перепугу, ствол бросил – и бежать. Такое ведь бывает, а, Вова?

– Огнестрелы, Марта, всегда на особом учете, – продолжал упорствовать Гудвин.

– Вова, а ты сможешь пристрелить бомжа с дистанции в сто метров? Не приближаясь, не оставляя своих следов? Ствол потом в кусты неподалеку сбросишь…

Гудвин стрелял хорошо. Как каждый стопроцентный мужик, он любил оружие, хорошие машины и ненавязчивых женщин.

– Не в цвет, Домино, – не поворачиваясь, произнес Вова. – Мусора на Борю только посмотрят, сразу поймут – эта фря не выстрелит.

– Ты не прав, – спокойно возразила Домино. – Если бы Боря действительно был чист и возмущался искренне, ни один мент его бы не заподозрил. Но представь реакцию Бори, когда его среди ночи берут, вяжут и на вилы сажают. Он ни на один вопрос ответить не сможет. Тем более объяснить, где он пистолет оставил. Будет молчать как рыба, и адвокат не поможет.

На этих словах Гудовин развернулся к Марте и длинно, с лагерными оборотами выругался. Смысл тирады на русский язык можно перевести так: умная женщина Марта Игоревна придумала хороший план, в результате коего Гольдман Борис Аркадьевич почувствует себя очень плохо.

– То-то же, Вова, – улыбнулась Марта. – Милиционеры не любят, когда подозреваемые отказываются отвечать на элементарные вопросы и требуют адвоката.

– А если Боря со страху на коллективку расколется?

– Вова, Боря трус, а не дурак. Поймет, убийство бомжа на него вряд ли повесят, а вот от групповухи с настоящей потерпевшей ему уже не отвертеться.

Гудвин вернулся на диван, взял стакан с коньяком и залпом выпил.

– Лады, Домино. Но мы-то ему тогда зачем? Бориску адвокат вытащит.

– Ну, во-первых, с адвокатом мы торопиться не будем. Во-вторых, ты в хату маляву отправишь, попросишь принять фраера по-людски. – Гудвину казалось, что Марта уже диктует ему текст записки в СИЗО. Старый Князь многому успел научить приемную дочь. – А я, Вова, опять спущусь к Боре добрым, всепрощающим ангелом – дам алиби, поддержку и обещание хранить тайну. Когда Борю после первого допроса с отказами и истерикой в камере закроют, у него одна надежда останется – мы, Вова. – Домино взяла из вазочки орешек в шоколаде и разгрызла его белыми зубками. – А уж мы с тобой, Вова, такую кутерьму разведем – рады стараться! Поймет Бориска, что без верных людей жизнь – рабская неволя.

В кармане Гудвина запиликал сотовый телефон. Вова достал мобильник, выслушал короткое сообщение и доложил Марте:

– Девчонка дома. Мы ее на улице караулили, думали, хавера пустая. А она, оказывается, никуда не выходила, в темноте сидела. Только что свет зажгла. Ехать, Домино?

Марта в задумчивости разгрызла еще два орешка и произнесла:

– Подожди, Вова. Она сейчас, ночью, никому дверь не откроет. Завтра пошлешь к ней верного человека, пускай договорится. Ствол надо выкупать.

– А если Боря завтра в ментуру пойдет, заяву на пропавший ствол писать?

– Не пойдет, – ухмыльнулась Домино. – Он завтра хворый будет. На радостях так насосется, валежником лежать будет.

На следующий день Борис Аркадьевич появился в офисе только после обеда. Бледный и слегка опухший, он прошел мимо кабинета Марты к себе и сразу попросил секретаршу сделать крепкого чая.

Прежде чем бежать к заварочному чайнику, секретарша склонилась над селектором, нажала кнопку и прошептала:

– Пришел, Марта Игоревна.

Домино дала любовнику время на утоление похмельной жажды, взяла несколько листов бумаги и отправилась в соседний кабинет.

– Добрый день, Борис, – как ни в чем не бывало поздоровалась Марта.

– Добрый, – буркнул Гольдман. – Что у тебя?

– Поставки, – коротко ответила Марта и положила на стол перед шефом бумаги.

Борис Аркадьевич быстро просмотрел документы, болезненно сморщился, но подпись поставил.

– Все?

– Почти. Пришел факс из Дрездена. Посмотришь сейчас или подождешь до завтра? – Голос «доброго ангела» искрился сочувствием к падшим, и Борис Аркадьевич наконец посмотрел на любовницу. Но, встретив открытый, чистый взгляд, тут же отвел глаза.

– До завтра, Марта Игоревна…

«Скотина! – возвращаясь к себе, думала Марта. – И кто сказал, что евреи не пьют и с девками не путаются?! Еще как пьют и путаются! Впрочем, – Марта шумно, вслух вздохнула, – возможно, мне просто не повезло и я наткнулась на единственную паршивую овцу. Точнее, свинью».

Остаток рабочего дня Гольдман провел в слегка разогретой сауне офиса – выпаривал токсины из тела. (Финская баня была любимым местом Бориса Аркадьевича. Когда турецкие мастера делали в офисе евроремонт, российские работяги параллельно, в рекордном темпе, трудились над довольно скромной по размаху банькой. На бетонных полах офиса еще только лаги лежали, а Борис Аркадьевич уже воплотил в жизнь свою мечту – сухая парная для него одного. Толстый хозяин «Гелиоса» не любил общественных парных и гостей приглашал очень избирательно.)

В тот день Марту и «лучшего друга» Владимира Александровича Гольдман с собой не позвал. Он больше не хотел их видеть. Они уже стали неприятным напоминанием. От секретарши Домино узнала: на субботу шеф заказал билеты в Цюрих.

Вечером в офисе Гудовин получил от Марты конверт с валютой.

– Здесь пять тысяч, – сказала Домино. – Не жмоться, Вовик. Сколько девчонка за ствол ни попросит, столько и давай. Но начинай с трех.

– А не жирно ей будет? – покачивая конверт на ладони, спросил Гудвин.

– Не жирно, – отрезала Марта, – в самый раз. И сам не ходи. Пошли кого-нибудь. С тобой она договариваться не будет. Понял? – Гудовин хмыкнул и направился к выходу. – Потом с Борика сторицей возьмем! – бросила вдогонку Домино.

В половине девятого вечера в квартиру Марты, шатаясь, ввалился окровавленный Гудвин. И без того обычно бледное лицо Вовы было белым до синевы. Вся левая сторона джинсовой рубахи пропиталась красно-бордовым. Гудовин зажимал ладонью рану в верхней половине груди. Поверх рубахи на него была накинута чужая огромная ветровка.

– Она шмальнула в меня, Домино, – просипел Гудвин и упал на стул в прихожей.

Марта заполошенно оглянулась и побежала в комнату к телефону.

– Надо скорую вызвать! – крикнула она на ходу.

– Погоди, – остановил Гудвин. – Пуля в мякоть вошла. Легкое не задето…

– Откуда ты знаешь?! – почти прорыдала Домино. Вид и запах крови напугали ее до дурноты.

– Погоди, не суетись. Лучше перевяжи…

Обматывая плечо Гудвина бинтами, Марта смотрела, как быстро они намокают, и старалась дышать ртом. Но тошнотворный, обморочный запах, казалось, проникал сквозь поры, его вдыхали испачканные руки, голова кружилась, путались мысли.

Через десять минут, придерживая левую руку, Вова расслабился в кресле и попросил выпить.

– Не дам, – отрезала Марта. – Откроется кровотечение, сдохнешь от потери крови.

– Не сдохну, – растянув посиневшие губы в усмешке, пообещал Гудвин.

– Что случилось, Вова?

– Девчонка в магазин пошла… – с перерывами начал Гудвин, – я встал в подъезде и начал ждать…

– Сам?! – ужаснулась Домино.

– Сам.

– Идио-о-о-от!! – взвыла Марта. – Я же тебе сказала, пошли кого-нибудь!

– Согласен, – кивнул Гудвин. – Но я подумал… жирно ей будет три куска. Чалый за ней в магазин потопал… вернулся, говорит, сукой буду, ствол в сумке. Она тяжелая…

– Ну! – подстегнула Марта.

– Ну, я встал в подъезде, начал ждать… Хотел «на плечах» в хату войти, поговорить. А она ствол из сумки – и сразу в меня…

Марта представила, как в темном подъезде девушку встречает кошмар из ее снов, и подумала: «Повезло Вове. Могла и в голову попасть». Сама Марта так бы и сделала, и ни за что не промахнулась бы.

– Маслина где?

– В стене сидит, – поморщился Вова. – Но главное, Марта… меня видели. Баба какая-то в подъезд заходила, и… мужики с лавочки на выстрел оглянулись…

Глядя на Вову, Марта глубоко задумалась. Вид крови уже перестал ее тревожить, мысли сновали привычно и бойко. Домино готовила новую комбинацию.

– Сиди тихо, – приказала она и, взяв трубку телефона, набрала номер Гольдмана. – Боря, ты где?

– Дома, сплю, – буркнул тот.

– Быстро ко мне, – тоном, не допускающим возражений, твердо произнесла Марта.

– Что-то случилось? – мгновенно отреагировал Борис.

– Да. Твое «невинное приключение» пыталось убить Вовчика. – В ответ из трубки раздалось сипение. – Ты следующий.

Марта положила трубку.

Гудвин с немым недоумением смотрел на Марту.

– Ты полчаса продержишься? – спросила Домино. Вова кивнул. – Потом вызовем скорую. Или… ты на чем приехал?

– На тачке Чалого.

– Это хорошо-о-о, – протянула Марта. – В больницу поедешь на ней.

За двадцать минут, которые Гудвин провел в ее доме, Марта постарела на десять лет. Морщины обезобразили недавно гладкий лоб, носогубные складки разрезали щеки, пухлые, красивые губы неприятно, по-старушечьи сжались в струну, как щучья пасть.

– Слушай меня, Вова, внимательно и запоминай. Все меняется. Вечер пятницы ты провел в городе. Твой «близнец» отбой получил?

– Нет.

– Узнай у него, где он светил тачку…

– Уже узнавал, – перебил Гудвин. – Он по городу покрутился и в одно тихое место свалил. В частном секторе. Там только тачку на улице видели, кто в доме – не знали.

– Это хорошо-о-о, – опять протянула Марта, новую комбинацию старой пакости она изобретала на ходу. Она попросила Вову назвать адрес места и быстро записала его на листке бумаги. – Значит, так. Ты был в городе вместе с Борей. Про Кашин забудь. Детали, где и как все происходило, сейчас обговорите с Борей у меня. – Домино торопилась, Гольдман жил в пяти минутах езды от ее дома. – Девку из деревни на моей «девятке» подобрали я и Лялька.

– Но…

– Никаких но, Вова. Молчи и слушай. С Лялькой я договорюсь. Пойдем с ней в милицию и напишем заяву – такого-то числа мы, нижеподписавшиеся, подобрали на трассе голосующую девушку. После ее выхода из машины пропала борсетка с деньгами, документами и оружием.

– Борсетка Бориса? – догадался Вова.

– Да. Не перебивай. Так… на чем же я… Ах да! Но мы ему об этом сообщать не стали. Решили по-тихому, без хозяина, выкупить ствол и документы. Ты пошел к этой Ольге Кудрявцевой, но она заломила такую цену, что ты стал возмущаться. Тогда Кудрявцева достала из сумки пистолет и начала угрожать. Ты попытался отнять оружие, завязалась драка, в результате которой Кудрявцева в тебя выстрелила. А это, Вова, покушение на убийство. Все понял? – Обессиленный кровопотерей Гудвин лишь слабо улыбнулся. – Держись, дорогой, – попросила Марта. – Этот гусь должен крови понюхать, иначе не так проймет.

Несмотря на боль и слабость, Гудвин нашел в себе силы улыбнуться:

– Не по понятиям, Домино… ментам стучать…

– А ты и не стучи, – сразу обрезала Марта. – Когда в больнице огнестрел увидят, мусора сами заявятся. Барабанить им не будешь, лежи себе на койке – ничего не видел, ничего не знаю. Говорить, Вова, буду я. Одна. Меньше напутаем. Главное – в отказ не иди…

Раздался бухающий колоколом входной звонок. Времени обсудить все в деталях у сообщников не осталось. Марта быстро наклонилась к раненому и шепнула:

– Лежи и молчи. Сейчас я буду «колесо вертеть». Что бы ни сказала, не удивляйся… и не обижайся, Вова. Так надо.

Когда, сохраняя остатки достоинства, порог переступил Борис Аркадьевич, в доме Марты стало на одного бледного мужчину больше. Лицо бизнесмена напоминало рыхлый недопеченный блин с украшением из пары маслин. Маслины испуганно сновали по окровавленным тряпкам, разбросанным всюду, натыкались на медицинские склянки, куски бинта и клочки ваты. Запах лекарств и крови ударил Гольдману в голову, и он шмякнулся на диван, не задавая вопросов. Борис Аркадьевич боялся получить очевидные ответы.

– Ну?! – рявкнула Марта. – Доволен?!

Борис беззвучно хлопнул ртом, машинально потянулся к стоящему на столике стакану воды, но, заметив на стекле кровавые полосы – следы пальцев Гудвина, – отдернул руку, словно ошпарился.

– И что теперь делать будем? – Марта нависла над Гольдманом, как кошка над куском сала, – и есть противно, и выбросить жалко. – В тюрьму поедем, Борис Аркадьевич? Или за границу свалим? Выбор у тебя, Боренька, небольшой, но есть. Можешь в Женеве под крылом у дядюшки отсидеться, можешь здесь, в России, пулю схлопотать. Девчонка обещала Вове вас обоих пристрелить. – Марта достала из бара чистый бокал, налила в него коньяку и красиво, медленно выпила. – Или все-таки в тюрьму, а, Боря?

Разговаривая с любовником, Домино никогда не употребляла воровскую лексику. Бориса Аркадьевича раздражали слова, смысла которых он не понимал до конца, лишь догадывался по контексту и интонации собеседника. Бизнесмен любил конкретику, а не свои домыслы.

Сегодня Домино позволила себе подпустить воровского жаргона в речь.

– Ну что, Борис Аркадьевич, пойдем сдаваться? Ты сильно-то не переживай, в остроге тоже хорошие люди живут. Когда Вова на дно ляжет, я в хату весточку зашлю, мол, не фраер ты ушастый, а честный пассажир. Столичный фармазон. За это, Боря, будет тебе почет без венчания. – Очень старательно Домино показывала Боре, кто он есть на этом свете.

– Но… – пробормотал Гольдман и замолчал. На большее, чем слабое возражение, сил у него не достало.

Он закатил черные маслины, сверкнул белками и приготовился упасть в обморок. Марта не зря попросила Гудвина остаться. Как олицетворение неотвратимости наказания, окровавленный Гудвин сидел в кресле и нагонял на бизнесмена ужас одним своим молчаливым присутствием.

Марта плеснула коньяку в фужер, сделала вид, что не замечает просьбы в глазах Гольдмана, и с наслаждением сделала глоток. Спиртное ее сегодня не брало. И если бы не рана на плече Гудвина, она наслаждалась бы ситуацией по-настоящему, стояла в центре комнаты, болтала коньяк в фужере и ждала слезной мольбы.

Но времени не было. Временной разрыв между моментом выстрела и появлением Вовы в больнице не должен превышать разумных пределов.

И Марта поторопила Гольдмана:

– Ну, Боренька, выбор за тобой. Вова на дно ляжет, ищи ветра в поле. Отдуваться тебе придется.

– Дай мне выпить, – хрипло попросил Гольдман.

– Не дам, – усмехнулась Домино. – Решение должно прийти на трезвую голову. Чтобы потом не говорил – напоили-одурманили злые дяди-тети.

Гольдман не понимал, к чему ведет Марта, но догадывался, что, пока его не было, любовница успела найти выход из тупиковой ситуации. И догадывался, что сейчас ему придется просить. Просить, как никогда и ничего ранее.

– Марта… прости меня, мой ангел…

– За что? – Женщина изобразила удивление.

– Я вел себя как последняя скотина. – Борис Аркадьевич был достаточно опытным переговорщиком, он знал, что, прежде чем молить об услуге, следует покаяться в прошлых грехах. Предупредительное раскаяние настраивает оппонента на уступки и избавляет просящего от лишних упреков. – Я… – вякнул Борис Аркадьевич.

– Ты в радостях забыл о стволе, – перебила его Марта. – Отлегло от задницы, Боренька, ты и обрадовался, голову потерял. Так?

Борис Аркадьевич понуро кивнул.

– А мы с Вовой не забыли. Мы с Вовой подумали, что скажет господин Гольдман, когда его ствол на мокрухе всплывет.

– Я… я… думал, потом…

– А потом ствол с хвостом! – прорычала Марта. – С мокрым! Ты думал, из твоей пушки пули не вылетают?! Думал, растворится волына в киселе?! Нет, мой дорогой. Подберет пистоль шаловливая ручонка и повесит на тебя пару жмуриков.

– Боже, – простонал Гольдман и закрыл лицо руками. Сам себе он напоминал узника, которому обещали помилование, но потом сколотили под окнами виселицу. – Что же делать, Марта?!

– Сидеть и думать, – жестко приказала Марта. – Но быстро, пока Вова от потери крови не умер.

Борис Аркадьевич обернулся, глянул на Гудвина, сморщился от его жалкого вида и проскулил:

– Вова, она нас действительно убить хочет?

Гудвин изобразил гримасу – сам видишь, – и откинул голову на спинку кресла, на светло-бежевой кожаной обивке которого уже расплывалось подтеками огромное красно-бордовое пятно.

– Обрати внимание, Боря, – едко попросила Марта, – рана у Вовы в левой половине груди. Еще бы чуть-чуть… – Домино звонко щелкнула пальцами, – и венок герою…

– Спасибо, Володя, – выдавил Гольдман.

– Спасибо, не красиво, – пробормотала Домино. Разговор затягивался, а Борис Аркадьевич все не подходил к главному – к мольбам о помощи.

Прикурив тонкую длинную сигарету, Домино увеличила темп: – Как быстро, Боря, ты сможешь уехать за границу? Сейчас сможешь?

Борис Аркадьевич кивнул автоматически, потом вспомнил что-то и чуть не завыл в голос – возвращение в Женеву было невозможно. Позор, презрение и возможное лишение наследства ждали Бориса Аркадьевича в Швейцарии.

«Проняло», – догадалась Домино.

– Что делать, Марта? – прошептал Гольдман. – Ты знаешь?

– Да. Я знаю, – отчеканила женщина.

– Что?

– Подлость. – То, что Домино приготовила Гольдману, называлось именно этим словом, и, ломая бизнесмена, Домино не собиралась золотить пилюлю. Борис должен четко понимать, на что решается.

– Какую, Марта?

– Невероятную, жестокую подлость, – спокойно произнесла Марта. – Девчонку придется убрать…

– Как?! Убить?!

Домино усмехнулась:

– Можешь и убить. Но это без меня…

Закончить Марта не успела. Правая рука Гудвина со стуком упала на ковер. В глубоком обмороке Вова безжизненно растекся по бежевой коже кресла.

«Черт, не выдержал!» – ругнулась Марта и четко приказала Борису:

– Спускайся во двор. Там должна стоять машина. За рулем какой-то парень, отзывается на Чалый. Он привез Гудвина. Скажи, чтобы поднимался, перенесете Вову в машину.

На подгибающихся ногах, как мог быстро, Гольдман выкатился из квартиры, но вдруг вернулся и, выпучив глаза, спросил:

– А куда… Вову?

– В больницу, идиот! – гаркнула Марта и вытолкнула любовника за дверь.

На счастье Бориса Аркадьевича, Чалый оказался здоровым бугаем, он без усилий взвалил Вову на плечо и только на пороге поинтересовался:

– В какую больницу?

– В шестую, она ближе.

Закрыв за Чалым дверь, Марта вернулась в комнату и прошептала:

– Молись, Боря, чтобы Гудвин живым доехал. Иначе… тебя ничто не спасет. Стреляли в Вову из твоего пистолета.

Пока хозяйки не было, Борис Аркадьевич пытался налить коньяк в ее фужер, но руки тряслись, жидкость растекалась по толстым пальцам, не попадала в фужер, и, плюнув на приличия, Гольдман присосался к горлышку бутылки.

– Дай сюда, – брезгливо прошипела Марта и отняла коньяк. – Ты мне трезвый нужен.

– Для чего? – трусливо проблеял Борис Аркадьевич.

– Слушать. – Марта толкнула Гольдмана на диван. – Сейчас я представлю тебе расклад, а ты выберешь – устраивает он тебя или нет.

Борис Аркадьевич покорно принял позу школяра-отличника и преданно уставился на Марту.

– Девчонку придется посадить, – начала Домино.

– За что?

– За покушение на убийство.

– Но она скажет… что мы ее… что…

Марта не перебивала Гольдмана. Она ждала, пока он сам произнесет слово «изнасилование». Добивать противника следует безжалостно. Один раз она уже дала слабину, упустила жертву и повторять прежних ошибок не собиралась. Гольдман должен сам, шаг за шагом, слово за словом, повесить на себя все обвинения.

Но закончить фразу у Бориса Аркадьевича не хватило духу.

– Ей есть что нам предъявить, – выкрутился хитрый делец.

– Это вряд ли, Боря. Доказательств у нее никаких.

– Но… мы же… это…

– Да. Вы «это», – кивнула Марта. – Вы, два пьяных, обкуренных скота, завезли девчонку в лес и изнасиловали. Ты это хотел сказать, Борис Аркадьевич?

Гольдман не ответил, и «добрый ангел» принялся творить чудеса:

– Гудвин в больнице будет молчать. А ты, Боря, пойдешь в милицию и оставишь заявление о пропаже оружия. Кстати, Боря, о том, что оно пропало, ты узнал только что, здесь, в моем доме. Скажешь вот как: твоя невеста, – Домино ернически, с горькой улыбкой, поклонилась, – увы, Боря, но назвать меня придется именно так. Это прозвучит достойнее, чем «любовница». Итак, вернемся к нашим баранам. В пятницу днем твоя невеста подвозила тебя на своей машине. Например, в ресторан, обедать. И ты случайно оставил на заднем сиденье борсетку с документами, деньгами и оружием. – Домино смочила горло глотком коньяка. – Идем дальше. Вечер пятницы мы провели в разных местах. Ты с Вовой на его машине по городу катался, потом вы в гости поехали. Эти гости в частном секторе. Гудовин узнавал у друга, которому машину одалживал, – кабриолет стоял на улице у ворот дома, кто выходил из машины и заходил внутрь, никто не видел. Но машину соседи запомнят точно, она у Вовы заметная. А ты запомни адрес. – Домино глубоко вздохнула и протянула Гольдману записку, написанную со слов Гудвина. – Весь вечер ты провел там. Запомнил? – спросила Марта. И когда Гольдман кивнул, отобрала записку и сожгла ее в пепельнице. – На дачу за город ездили я и Лялька. Место там глухое, забор высокий, надеюсь, соседи в щелку не подсматривали и вас с Вовой не видели. Возвращаясь домой, мы посадили в машину голосующую на дороге девчонку. После того как девчонка вышла из машины, с заднего сиденья пропала борсетка с оружием. Я ясно излагаю?

– Да, – прошептал Борис Аркадьевич.

– Гудовин взял у меня деньги, вон, кстати, конверт лежит. – Домино ткнула пальцем в измазанный кровью конверт, и Бориса Аркадьевича нервно передернуло. – Там пять тысяч долларов. Мы часть уберем, скажем, что предлагали триста, – для выкупа оружия это больше чем достаточно. И Вова пошел к воровке договариваться. Но девчонка повела себя странно: заломила нереальную цену и начала угрожать. Оскорбила гражданина Гудовина нехорошими словами, гражданин Гудовин осерчал, оскорблений не вынес и попытался «наездом» отобрать у воровки пистолет. Но та оказалась ловчей и не задумываясь выстрелила Вове в грудь.

– А как было на самом деле? – все же спросил Борис Аркадьевич.

– А на самом деле, Боря, было так. В отличие от тебя мы с Вовой о том, что пропавший пистолет надо вернуть, и чем быстрее, тем лучше, думали. Вова пошел к девчонке, но та и слова не дала ему вымолвить, сразу пистолет из сумки – и в Вову. Кстати: «Толстяка тоже

достану», – заявила после выстрела. Как, Боря, нетрудно догадаться, толстяк – это ты. Такой вариант тебя устраивает больше?

Борис Аркадьевич неудобно скорчился на диване, подобрал под себя ноги, скукожился, как старый башмак, и сиротливо вздохнул. Горбясь и вздыхая, он молчал минут пять, невозможно было понять, грустит ли он о сделанном, или острый, отточенный мозг бизнесмена режет план Домино на части и находит слабые места.

Оказалось второе.

– Меня могли видеть у твоего дома, – наконец выдавил он.

– Пустяки. – Домино махнула рукой. – Алиби потерпевших тщательно не проверяют. А если и проверят, скажем, приезжал. Что в этом особенного? Главное, на час, в котором произошло изнасилование, ты и Вова были в другом месте. Весь вечер Вовина машина загорала в частном секторе, у дома с палисадником. Завтра съездишь туда, с хозяевами познакомишься…

– А Гудвин? – перебил Борис Аркадьевич. – Он был в Кашине на твоей машине…

– Не был, – оборвала Марта. – Не был Вова в Кашине. Кто об этом знает? Только я, ты и Лялька. Кашинская родня не в счет, их никто спросить не догадается.

– А Ляля… она согласится… подтвердить… что, когда пистолет пропал, она с тобой была…

– Не знаю, – задумчиво произнесла Домино. – Пока ты не ответишь, согласен ли ты со всем, что я предложила, я ни о чем просить ее не буду.

Домино встала с кресла и вышла на кухню. Решение, которое должен был принять Борис, не должно касаться ее. Груз, положенный на совесть, нести ему одному. Если все произойдет, как рассчитывала Домино, у Гольдмана не будет повода для упреков в будущем. Сам, он все решит сам.

Из комнаты донесся тягучий и громкий жалобный вздох, – Борис не мог справиться с испугом, давил на нервы и просил поддержки.

Марта жалеть не умела. Слово «сострадание» раздражало ее своей тяжестью с детства. Поступки должны определяться только рациональностью. Мир жесток, так почему она, Марта, должна быть добренькой? Эмоциональная глухота спасала Домино от упреков, по желанию она могла становиться абсолютно невосприимчивой к чужой боли. Воровской завет – не верь, не бойся, не проси – легко лег ей на сердце. Еще сопливой девчонкой она приняла его как основное правило, как отпущение грехов.

Беспричинно жестокой Марта тоже не была. Свои поступки она оценивала только с точки зрения выгоды, – пещерная, звериная злоба занимала слишком много энергии, выжигала разум, стоила нервов и потому почти всегда была под контролем. Только осмысленность и рациональность руководили Мартой. Это стояло во главе угла и снимало раздражение. В случае опасности мир превращался для Марты в шахматную партию, изящную и беспощадную. Она передвигала фигуры – людей, жертвовала ими без сомнений и тратила усилия лишь на обеспечение победы.

Зажигая горелку кухонной плиты, Марта усмехнулась. Жизнь напоминала Домино полет авиационной бомбы над городом. Бездушной, бесстрашной и абсолютно равнодушной к спящим кварталам. Много лет назад она пролетела над пляжем города Сочи и точно попала в цель. Голодная и злая, она шла по теплому песку вдоль кромки моря и искала точку для приложения килотонны усилий. Четверка синих от татуировок мужчин показалась ей достойной добычей. Рядом с ними не было женщин, и они *скучали.*

Своих подруг, с которыми приехала в курортный город, Марта бросила. Эти глупые гусыни начинали раздражать постоянным нытьем и трусостью. Их потолок – развести прыщавого лоха на пару чебуреков и кружку кислого пива. Предел мечтаний – бесплатный ужин в ресторане и путешествия автостопом.

А Марте было надо больше. Зачем ложиться под потного мужика за банку пива? Зачем тратить усилия на нищую компанию студентов? Зачем плясать на глупых дискотеках, когда в городе полно шикарных ресторанов? Продавать себя стоит дорого.

И Марта сделала выбор. Оставила подруг, послала их ко всем чертям и ушла в автономный полет.

Будущее показало, насколько она оказалась права. Домино получила свой приз и отдавать его не собиралась.

…Марта неспешно варила кофе для корчившегося от страха Бориса, смотрела, как медленно поднимается шапка пены в джезве, и ждала из комнаты призыва – помоги! Спаси, помилуй, дай надежду!

Но Гольдман молчал.

Все с той же усмешкой Домино неторопливо разлила кофе по чашкам, остановилась ненадолго перед зеркалом – глаза блестят, румянец ровный, помада не размазалась, – поправила прическу и понесла поднос в комнату.

Увидев любовницу, Борис попытался выпрямить спину. Старый башмак старался выглядеть человеком.

– Я не могу, Марта, – выдохнул он и горделиво приосанился. Хотя в глазах стояла тоскливая мольба.

«Уговаривать не стану», – твердо решила Домино. Поставила поднос на столик и пожалела, что Гудвин так быстро сломался. Вид крови лишал Гольдмана воли.

– Хорошо, – покорно и слегка равнодушно отозвалась Марта. – Хочешь, я отвезу тебя в аэропорт?

Борис дернулся, взвыл и, обхватив голову руками, завыл:

– Я не могу, Марта!! Я не смогу смотреть ей в глаза!!

– Кому? – спокойно спросила Домино и отхлебнула кофе. Тонкая чашечка из фарфора ни разу не дрогнула в длинных пальцах.

– Девчонке-е-е-е!! – Гольдман раскачивался из стороны в сторону и буквально рвал на себе волосы.

– А где ты собираешься смотреть ей в глаза? – Марта невозмутимо поставила чашечку на блюдце и промокнула губы салфеткой.

– Ну… не знаю… – Гольдман, как завороженный, следил за ее движениями, – в кабинете следователя, на очной ставке…

– А-а-а, – протянула Марта. – Так ее не будет, Боря.

– Как это? – Борис Аркадьевич прекратил раскачиваться и удивленно посмотрел на собеседницу.

– А при чем здесь ты? Ты девчонку в глаза не видел. Борсетку стащили у меня и Ляльки. Мы с Лялькой и объясняться станем.

– Но ведь девчонка скажет…

– Да мало ли, что она скажет! Воровка, шантажистка и преступница! Она может выкручиваться как угодно! Следаки и не таких артистов видели. Но, Боря, пулевое ранение на плече у Вовы, а не у нее. Кому поверят? Мы, дорогой мой, потерпевшие.

– Вова тоже не ангел, – буркнул Гольдман, – в милиции на него досье заведут толщиной с «Войну и мир».

– Конечно, – кивнула Марта. – Досье. А кого, как не Вову, ко всяким воровкам посылать? Отца Серафима? Нет, Боря, все логично. В ментовке не дураки сидят, там знают, чем Вова в нашей конторе занимается. Он, Боря, щекотливые вопросы улаживает и за это деньги получает.

Гольдман вскочил на ноги и начал кружить по комнате. «Так-так-так», – бормотал Борис Аркадьевич, его щеки тряслись, губы шевелились почти без звука.

– Значит, ты предлагаешь… – начал он.

– Я, – жестко оборвала Домино, – ничего не предлагаю. Хочешь – отвезу тебя в аэропорт, хочешь – Ляльке позвоню. Выбирать тебе. Впрочем… я могу тебя и к девчонке доставить. Авось в тебя она не выстрелит. Договоришься. Откупишься.

В половине седьмого утра Марта поехала в шестую больницу. Распихав по белым халатам взятки, она прошла в палату Гудвина и, не смущаясь, разбудила спящего после операции под наркозом подельника.

– Подъем, Вова. Наши в городе. Боря сидит у меня и пишет заявление. Лялька тоже там, ждем только адвоката.

В глазах Гудвина плавал наркотический туман. Вова облизал сухим языком потрескавшиеся губы и просипел:

– Заяву отдавайте по твоему адресу… там мой старлей трубит. Я ему позвоню, скажу, чтоб постарался дело себе взять.

– Хорошо. – Марта поднесла к Вовиным губам чайничек и напоила водой.

– Лялька согласна?

– Угу. Любит она тебя, Вова, никак не пойму за что.

Гудвин довольно оскалился:

– Есть за что, Домино.

– С меня одного потребовала – никогда не называть Лялькой. Говорит, с детства кукольных имен не выносит.

– Боря как?

– Плачет. Птичку жалко.

Гудвин пристально поглядел на Марту, потом откинулся на подушку и, разглядывая белый больничный потолок, спросил:

– А тебе, Домино, не жалко девочку?

Домино поправила на Вове одеяло, погладила больного по волосам и тихо произнесла:

– А меня, Вова, жалел кто-нибудь?

Гудвин скосил глаза на Марту:

– Тебя пожалеешь…

– А ты попробуй. Если девчонка сильная, выдержит. Из зоны вытащу, денег дам. Захочет, на работу устрою.

– К себе? – усмехнулся Гудвин.

– Могу и к себе. Пусть служит Боре напоминанием лучших дней.

– Перебор, Домино, – бросил Вова.

– Согласна. Но и жизнь, милый, штука не простая. Научит смеяться сквозь слезы.

– Может, и мне поможешь? На Ляльке оженишь? – внезапно озлился Гудвин.

Марта улыбнулась:

– Много чести. Тебе.

– Смотри, Домино… я вольный ветер… меня Лялька уже того… в Кашине мужем назвала.

Домино нахмурилась. Главбух «Гелиоса» была ее единственной подругой в этом городе.

– Вова, обидишь Лялю – мы враги. Не посмотрю на раны и заслуги. Я, дорогой, свою совесть в детстве с соплями съела.

– Заметил, – сквозь зубы просипел Гудвин. – Но и ты, Домино, учти. Я тоже не фраер…

Марта внимательно посмотрела на бледное, в каплях испарины лицо мужчины. Сквозь наркотический туман проступил иной, точнее, прежний Вова Гудвин – неприрученный

зверь, готовый к атаке. Несколько дней, проведенных в одной упряжке, ничего не изменили, Вова не был готов подчиняться, мгновение – и оскалит зубы.

И ломать окровавленного зверя бесполезно. Голову ему дурманит уже не наркоз, а страх остаться в капкане. Только отвернись – и вцепится в горло.

Словно учуяв неуверенность Марты, Гудвин прохрипел:

– Ты мне фуфло не заправляй… я тебе не фраер, – повторил с угрозой, – мне тебя загасить как на стену пописать… Ты Ляльке скажи…

– Ничего говорить не буду, – оборвала его Марта, – не ко времени. Сам потом разберешься…

– Знаю я, как потом все будет… – хрипло проговорил Гудвин. – Ты у нас за чужой счет баба шустрая… Но и я не пальцем деланный, учти…

Ох как не вовремя затеял Вова выяснения – кто кому Вася! Не до Ляльки сейчас, дела надо делать.

– Проехали, Вова, – примирительно сказала женщина и погладила руку сообщника. – Сейчас я тебе быстро обрисую, чего и как Боря говорить будет…

– Мне это без интересу, – перебил Гудвин. – Я барабанить не буду. Пусть другие поют, ворам…

– Ба! – воскликнула Марта. – Сколько пафоса! Когда это ты, Вова, вором-то успел стать?! На малолетке, что ли?

Если бы у Гудвина хватило сил, он бы ударил Домино. Но капельница на правом локте впилась иглой, а левая, заштопанная сторона была как мертвая. Вова лишь саданул взглядом по накрашенным губам и дал себе слово не спустить насмешки.

Два страшных человека смотрели друг на друга и понимали, что нуждаются в согласии.

– Извини, Вова. – Домино отвела глаза, вспыхнувшие злобой под ресницами, опустила голову и прошептала: – Помнишь, как Князюшка говорил: блатного пожалеть – только обидеть. Если ты, Вова, назвался вором, то терпи. Не жалься. Можешь молчать, заяву не писать. Пулю из стены извлекут и дело по факту возбудят. Никуда девчонка не денется… Лучше дай телефончик твоего старлея, я ему сама позвоню. Вдруг девушка, как Моника Левински, белье не стирает, а там твои следочки. Подстраховаться надо. Так что давай своего лейтенанта страшного…

Часть вторая
НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ ИЗ ЖИЗНИ КАПИТАНА ТАРАСОВА

НАШЕ ВРЕМЯ

Капитану Михаилу Валерьевичу Тарасову казалось, что перед ним разыгрывают многоактовый любительский спектакль с прологом, эпилогом, сложным сценарием и плохими актерами. Врали и не попадали в смысловую интерпретацию – все. От уборщицы до коммерческого директора.

И несоответствие усилий крайне раздражало Тарасова – ведь дело не стоило выеденного яйца! Просто курам на смех, что за дело.

Тарасов – половина оперативного состава звала его просто Валерыч – с удивлением выслушивал от свидетелей очередную байку, делал пометки в блокноте и крепко чесал в затылке. Мыслей от массажа волосяного покрова не добавлялось, однако руки бывали заняты.

В деле фигурировало девять свидетелей – трое мужчин и шесть женщин, – все служащие крупной фармацевтической фирмы «Гелиос». Первый акт трагикомедии фигуранты разыграли в головном офисе аптекарского хозяйства. Непосредственно на рабочем месте, так сказать.

Михаил Валерьевич пролистал блокнот с записями, наткнулся на рисунок кошачьей мордочки и пририсовал острым ушкам пушистые кисточки. Из лукавой киски получилась рысь. Хищная, хитрая и опытная – Марта Игоревна Гольдман – коммерческий директор «Гелиоса».

Михаил Валерьевич собрался было пририсовать еще пару отточенных клычков, но передумал и отложил ручку. Если в Марте Игоревне и была злоба, то не внешняя, а внутренняя, клыки уважаемая директриса хорошо скрывала. На первый взгляд Марта Игоревна была дама очаровательная и хорошо воспитанная, так что зубы, если уж руки чешутся и очень хочется, можно добавить на следующую страницу блокнота – лощеному волчаре в нарядном галстуке.

Хищник в нарядном галстуке, чушь несусветная, но суть заместителя директора по общим вопросам – Гудовина Владимира Александровича – передавалась шаржем замечательно верно.

Подобные шаржи были старой и не всегда безобидной страстишкой капитана Тарасова. Где бы ни находился Михаил Валерьевич, руки его вечно искали перо и листок бумаги. Штрихи и закорючки помогали сосредоточиться, из шаржа выплывал истинный характер модели, и несколько раз Михаил Валерьевич ловил себя на мысли – руки выполняют работу, невозможную для логически налаженного мозга опера. Голова еще и определиться не успела, а пальцы уже нацарапали характерный портретец.

Пару раз Валерыч откровенно горел со своими карикатурами. (Привычка превратилась в манию и начала мешать карьерному росту.) Первый пожар случился в курсантские годы. Сидел себе слушатель Высшей школы милиции на лекции, внимал речам доцента Куроедова и лениво водил шариковой ручкой по конспекту.

– Позвольте полюбопытствовать, товарищ курсант, – внезапно сказал доцент Куроедов, в один шаг достиг Мишиной парты и взял тетрадь. Законспектированной лекции он там не

увидел. На половине листа сидел лис с курицей в зубах. В лисьей морде четко проступали черты самого доцента, из пасти свисала несушка – точь-в-точь единственная дама курса, коротконогая и прыщавая Вера Горицвет.

Пририсуй Миша Тарасов доценту в зубы Брижит Бардо, возможно, и обошлось бы без пулеметной очереди «неудов» по основному предмету. Но лис волок клушу Горицвет, и выглядел при этом крайне довольным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.